

КЕРАМИКА

Керамические изделия являются наиболее многочисленной категорией находок, полученных в результате раскопок храма в урочище Еди-Евлер. Всего было зафиксировано и обработано 8252 фрагмента керамических предметов общим весом 699,56 кг. В их число входит 3541 мелкий обломок (2464 фрагмента – от крупных изделий, вероятно, черепиц, 1077 фрагментов – от различных сосудов) общим весом около 21,58 кг. Эти мелкие фрагменты не поддаются точной атрибуции и не будут учитываться при последующих расчетах.

В составе керамики, общее функциональное назначение которой удалось определить, выделено три категории изделий: строительные материалы (кровельная черепица), тара (пифосы, амфоры, фляга, высокогорлый кувшин), кухонно-столовая посуда (сосуды закрытой и открытой формы).

Основные категории керамических находок распределяются по строительным периодам и группам слоев¹ следующим образом²:

Строит. периоды	Группы слоев	Категории керамики								
		строительная			тара			кухонно-столовая посуда		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I-II	I	24	550	40%	2	47	3,3%	34	271	56,7%
	II	29	2752	5,8%	63	5778	12,8%	402	12179	81,4%
	III	95	14203	44,0%	7	690	3,2%	114	4933	52,8%
	IV	645	197223	64,1%	113	20600	11,2%	248	10540	24,7%
Итого:		793	214728	44,7%	185	27115	10,4%	798	27923	44,9%
III	V	58	11209	42,7%	12	4757	8,8%	66	1942	48,5%
	VI	57	4052	30,5%	3	153	1,6%	127	990	67,9%
	VII	812	223086	62,0%	253	20418	19,3%	245	4340	18,7%
Итого:		927	238347	56,8%	268	25328	16,4%	438	7272	26,8%
IV	VIII	101	15365	64,7%	9	1211	5,8%	46	1098	29,5%
	IX	632	74390	69,3%	151	9051	16,5%	130	1311	14,2%
Итого:		733	89755	68,5%	160	10262	15,0%	176	2409	16,5%
	кладки	54	11850	62,8%	2	1651	2,3%	30	1251	34,9%
	п/м	82	17256	55,1%	22	1976	14,8%	43	861	30,1%
Всего:		2589	571936	55,0%	637	66332	13,5%	1485	39716	31,5%

Основу коллекции составляют фрагменты красноглиняной черепицы (55,0%). Больше всего обнаружено обломков керамид – 1770 фрагментов весом 392,298 кг. Это – 68,4% обнаруженных при раскопках кровельных материалов. Калиптеры представлены в меньшем количестве – 819 фрагментов весом 179,64 кг, то есть 31,6% кровельных материалов.

По визуальным характеристикам формовочная масса всей найденной черепицы, как керамид, так и калиптеров, очень схожа³. Она включает значительное коли-

чество отошителя в виде дроблёной керамики (шамот), мелкой и средней дресвы тёмно-коричневого или серо-коричневого цвета, вероятно, от местных пород таврической серии⁴, а также естественные примеси частиц рыхлого минерала белого цвета, по-видимому, известняка. Небольшие различия наблюдаются в степени концентрации, качестве и размерах отошителя, но они зачастую нестабильны даже в рамках изделий одной серии. Очевидно, что глина готовилась по подобной рецептуре в керамических мастерских, следующих схожим технологиям гончарного, в том числе черепичного, производства. Качество обжига также нестабильно. Однако и этот показатель вполне может варьироваться даже в изделиях, вышедших из одной мастерской. Таким образом, сложно разделить материал из семидворского

¹ О распределении слоев по группам см. таблицу 1 в главе 2.

² Под количеством подразумевается общее число фрагментов; общий вес изделий указан в граммах; процент исчисляется от общего количества фрагментов керамики в одной группе слоев; п/м – подемный материал.

³ Специальные петрографические и химические исследования сырья не проводились.

⁴ Средние параметры зерна отошителя – 0,3-0,6×0,3-0,5 см, отдельные экземпляры – до 1,1×0,9-1,0 см.

храма на группы по признаку состава сырья и качества обжига.

Более выразительные особенности фиксируются на уровне конструктивных деталей и тщательности выделки черепицы, что может свидетельствовать в пользу происхождения храмовых кровельных материалов из разных гончарных центров.

Обнаруженные при раскопках храма керамиды прямоугольной формы с зауженной нижней частью, профилированной симметричными коленчатыми изгибами. Форма 9 экземпляров восстановлена полностью и ещё 9 – частично (из 157 обломков) (рис. 3.1-3.13). Все найденные керамиды изготовлены «тыльным» способом (Моисеев 2011: 183). При этом методе лицевая часть изделия оттискивалась в деревянной матрице, на которой предварительно могли быть вырезаны углубления для получения водосливных валиков и меток, а тыльная выравнивалась по высоте формы специальной деревянной планкой или дощечкой. В результате на большинстве готовых изделий отчётливо видны характерные следы от продольного движения такого деревянного инструмента. Иногда такие следы сочетаются с отпечатками ладоней гончара, видимо, оставленными в процессе дополнительного уплотнения глины в форме. Следы тщательной ручной утрамбовки чаще всего фиксируются вдоль продольных бортов. Они иллюстрируют стремление ремесленника как можно более плотно заполнить глиной углубления в матрице. На всех исследованных экземплярах излишки глины снимались в направлении от нижнего (зауженного) торца к верхнему. Из-за этого вдоль верхнего торца образовывался наплыв формовочной массы, который иногда специально подрезался или выравнивался. На лицевых поверхностях некоторых экземпляров фиксируются отпечатки мелкого песка. Вероятно, он использовался в качестве подсыпки на внутренней поверхности матрицы для того, чтобы уменьшить её сцепление с глиной и упростить процедуру извлечения готового изделия.

По основным конструктивным особенностям выделено три основных типа керамид.

1. Керамиды с низким прямоугольным в сечении бортом вдоль верхнего торца, прямоугольными или трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба более 90° (рис. 3.1-3.8). Они составляют около 60-62% в общей массе фрагментов черепицы, тип которых можно определить. Размер целых экземпляров – 32,5-33,8×44,7-45,9, вес – 6,5-7,4 кг. Высота боковых бортов без учета толщины поля – 1,7-2,7–2,9-3,5 см, торцевого – 0,5-0,9 см, толщина поля – 1,3-2,2–2,5-2,9 см. Только для этого типа черепиц, найденных при раскопках храма, характерно наличие водосливных валиков и меток. Все валики выполнены в высоком рельефе до 0,5-0,7 см в виде пары полудуг, опускающихся от боковых бортов до нижнего торца. По особенностям их расположения на поле, расстоянию между валиками, высоте полудуги, а также ширине бортов вдоль верхнего и у нижнего торцов можно предположительно опреде-

лить не менее четырех-пяти видов изделий (рис. 3.1-3.8: 36, 47, 101, 120, 40, 110, 31, 56, 96, 70). Внутри этих видов выделяются серии керамид, оттиснутые в одной матрице. Так, пять экземпляров среди реконструированных изделий двух видов составляют две серии. Это 3 черепицы с меткой в виде «λ» (рис. 3.1-3.3: 47, 101, 120) и 2 – с тамгообразным знаком «трезубец» (рис. 3.4-3.6: 40, 110). Конфигурация серийных изделий совпадает в мелочах, однако есть и некоторые незначительные различия на уровне аккуратности и тщательности исполнения, параметров и состава отощителя, качества обжига. Например, в одном экземпляре первой серии (рис. 3.1, 3.2: 47) преобладает дресва серо-коричневого цвета, в то время как у двух остальных (рис. 3.1; 3.3: 101, 120) – темно-коричневая; во второй серии – одно из изделий (рис. 3.4; 3.6: 40) обожжено лучше, его черепок плотнее, отощитель более мелкой фракции (не более 0,5×0,7 см), излишки глины вдоль верхнего торца специально сняты, в то время как у другого (рис. 3.1; 3.2: 110) в составе формовочной массы встречаются дресва до 0,8×1,1 см, обжиг неравномерный, наплыв глины вдоль верхнего края не срезан. Таким образом, даже изделия одной серии могут не быть абсолютно идентичными.

2. Керамиды без борта вдоль верхнего торца, с прямоугольными или трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба более 90° (рис. 3.9-3.13: 48, 49, 57, 63, 88, 111). Составляют около 30-35% в общей массе фрагментов черепицы, тип которых можно определить. Размер единственного полностью реконструированного экземпляра – 31,1×48,5, вес – около 6,3-6,4 кг. Ширина частично восстановленных изделий – 31-32,4 см. Высота боковых бортов над полем – 2,2-3,0–3,0-3,3 см, толщина поля – 1,6-2,3–2,2-2,8 см. Все изделия без водосливных валиков и меток, внутренние ребра бортов слегка скруглены. Для их формовки использованы как минимум два вида матриц схожей конфигурации, но различных параметров. Из них получены 2 вида изделий: шириной 31,0-31,1 см (рис. 3.9; 3.10: 63; 3.12; 3.13: 57, 88) и 32,1-32,4 см (рис. 3.9; 3.11: 48, 49; 3.12; 3.13: 111) с расстоянием до коленного изгиба соответственно – 42,2 см и 37,6 см.

3. Керамиды без борта вдоль верхнего торца, с трапециевидными в сечении боковыми бортами и с углом коленного изгиба около 90° (рис. 3.9; 3.10: 67). Составляют не более 3-5% в общей массе фрагментов черепицы. Реконструирована форма одного изделия. Его размер – 36,0×44,7 см, вес – не менее 6 кг. Высота боковых бортов – 2,9-3,5 см, толщина поля – 1,6-2,5 см. Вдоль центра лицевой поверхности керамиды прослежен небольшой продольный выступ высотой – до 0,2 см, шириной – до 0,3 см. Скорее всего, он не несет определённой функциональной нагрузки как, например, водосливные валики и, вероятно, образовался вдоль трещины в матрице или стыковочного шва двух её частей.

Метки, как уже упоминалось, встречаются только на керамидах первого типа. Всего обнаружено 6 целых форм и 6 фрагментов с выпуклыми (рельефными) зна-

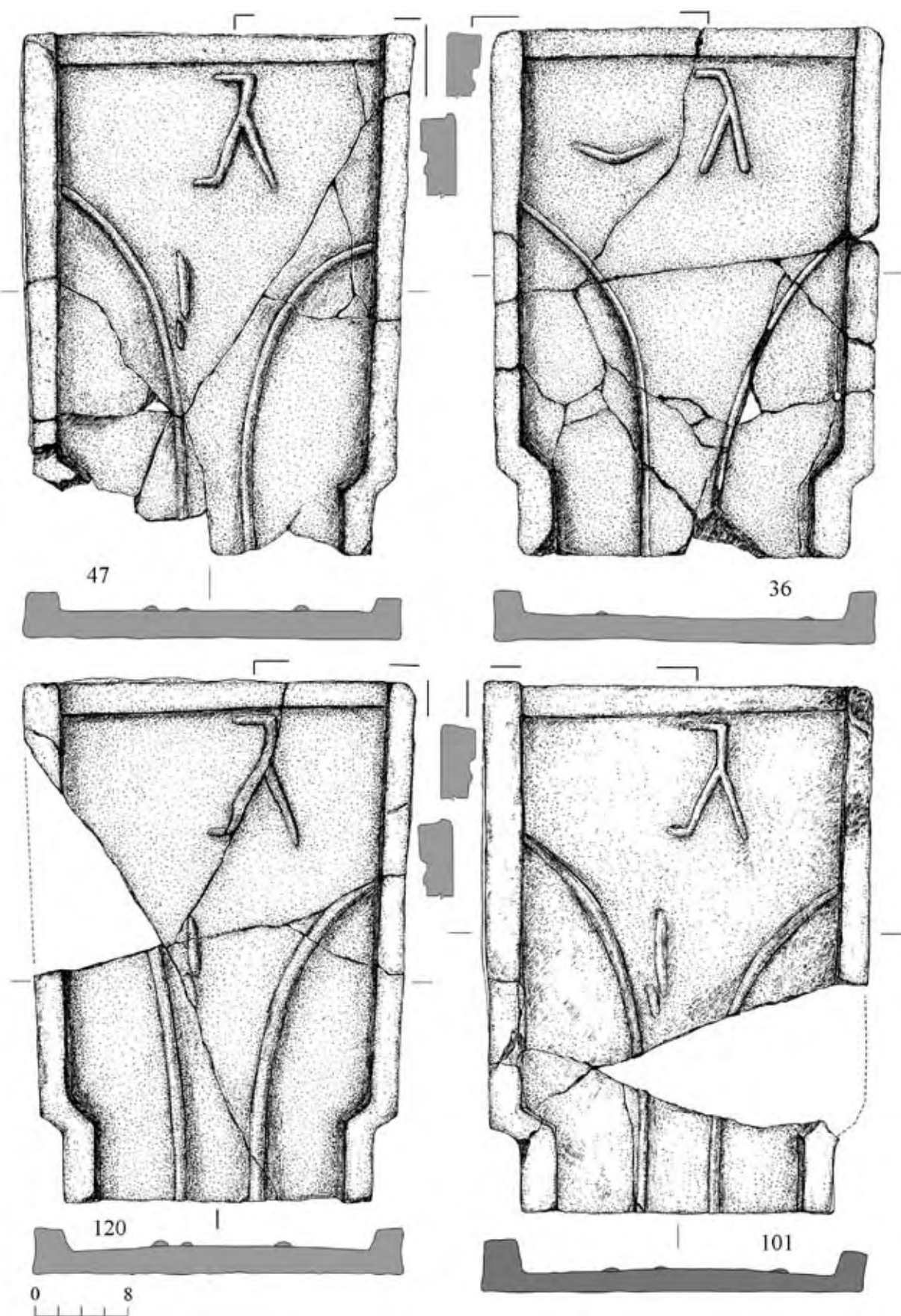

Рис. 3.1. Храм на холме Тузлух. Керамиды с метками, тип 1. 36, 120 – слой № 6-1; 47 – слой № 4; 101 – слой № 6.
 Fig. 3.1. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 36, 120 – layer no 6-1; 47 – layer no 4; 101 – layer no 6.

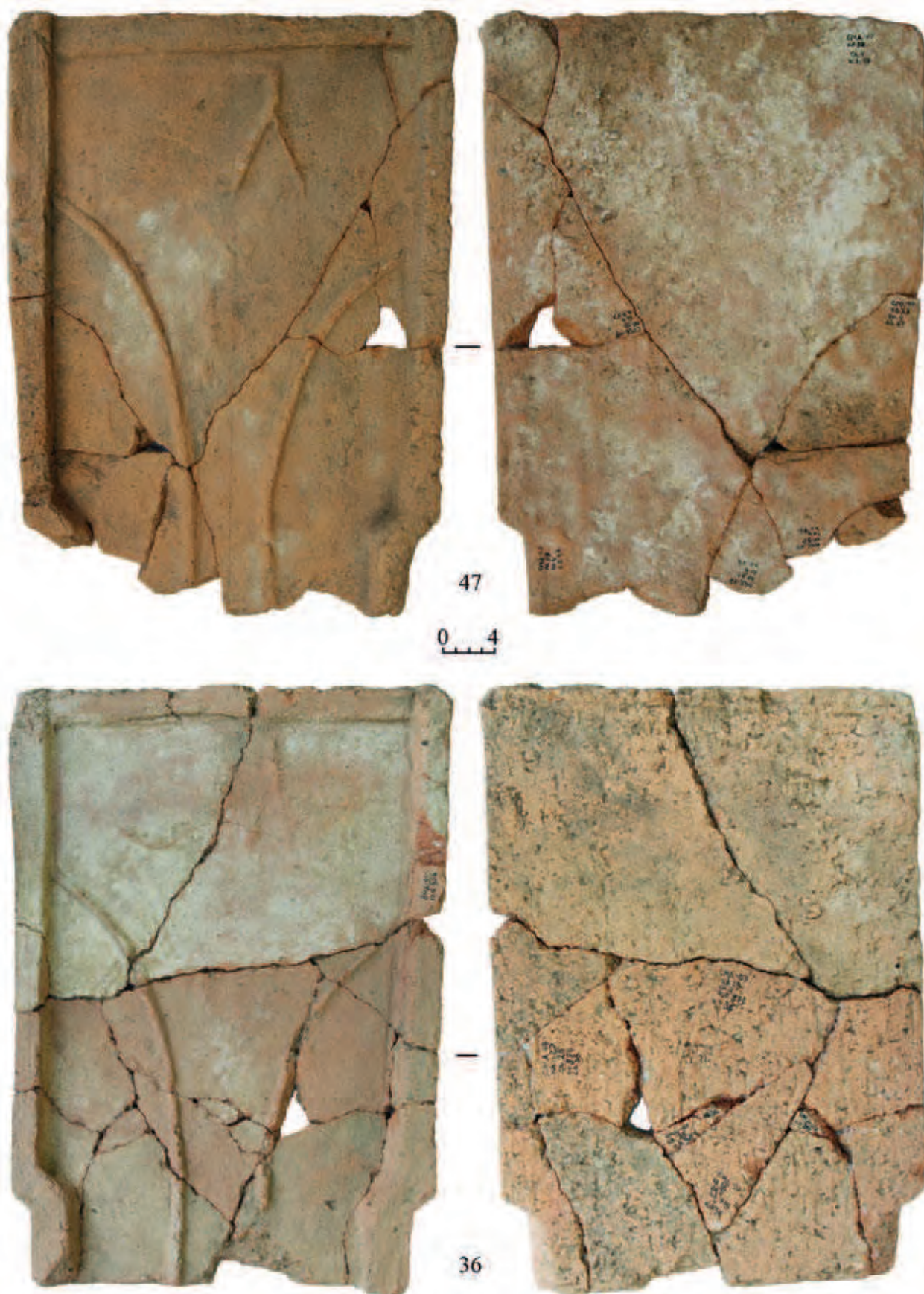

Рис. 3.2. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1. 36 – слой № 6-1; 47 – слой № 4.
Fig. 3.2. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 36 – layer no 6-1; 47 – layer no 4.

Рис. 3.3. Храм на холме Тузлух. Керамиды с метками, тип 1. 101 – слой № 6; 120 – слой № 6-1.
Fig. 3.3. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1. 101 – layer no 6; 120 – layer no 6-1.

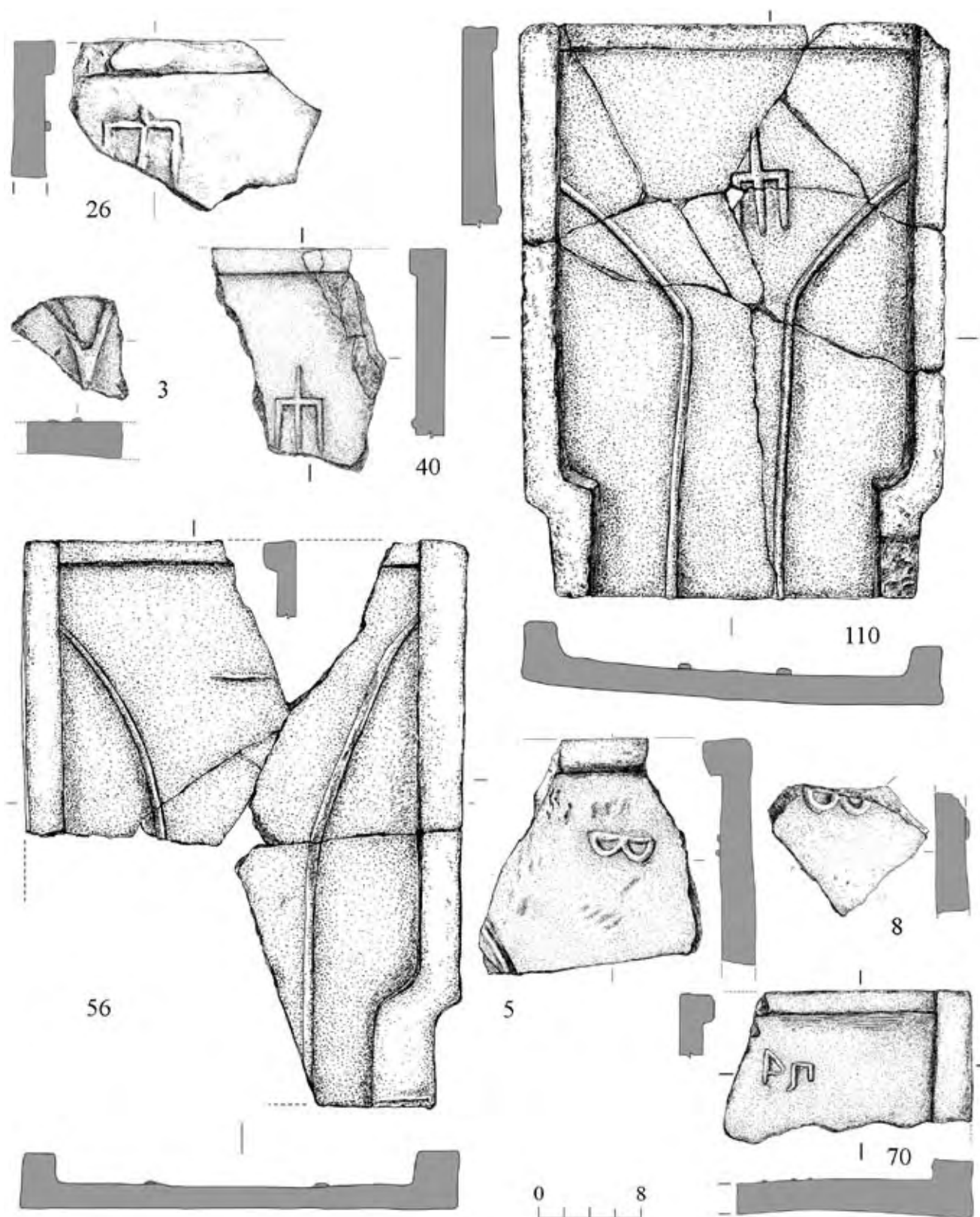

Рис. 3.4. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1.

3 – слой № 1; 5, 8, 26 – слой № 2; 40, 56, 70 – слой № 4; 110 – слой № 6-1.

Fig. 3.4. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1.

3 – layer no 1; 5, 8, 26 – layer no 2; 40, 56, 70 – layer no 4; 110 – layer no 6-1.

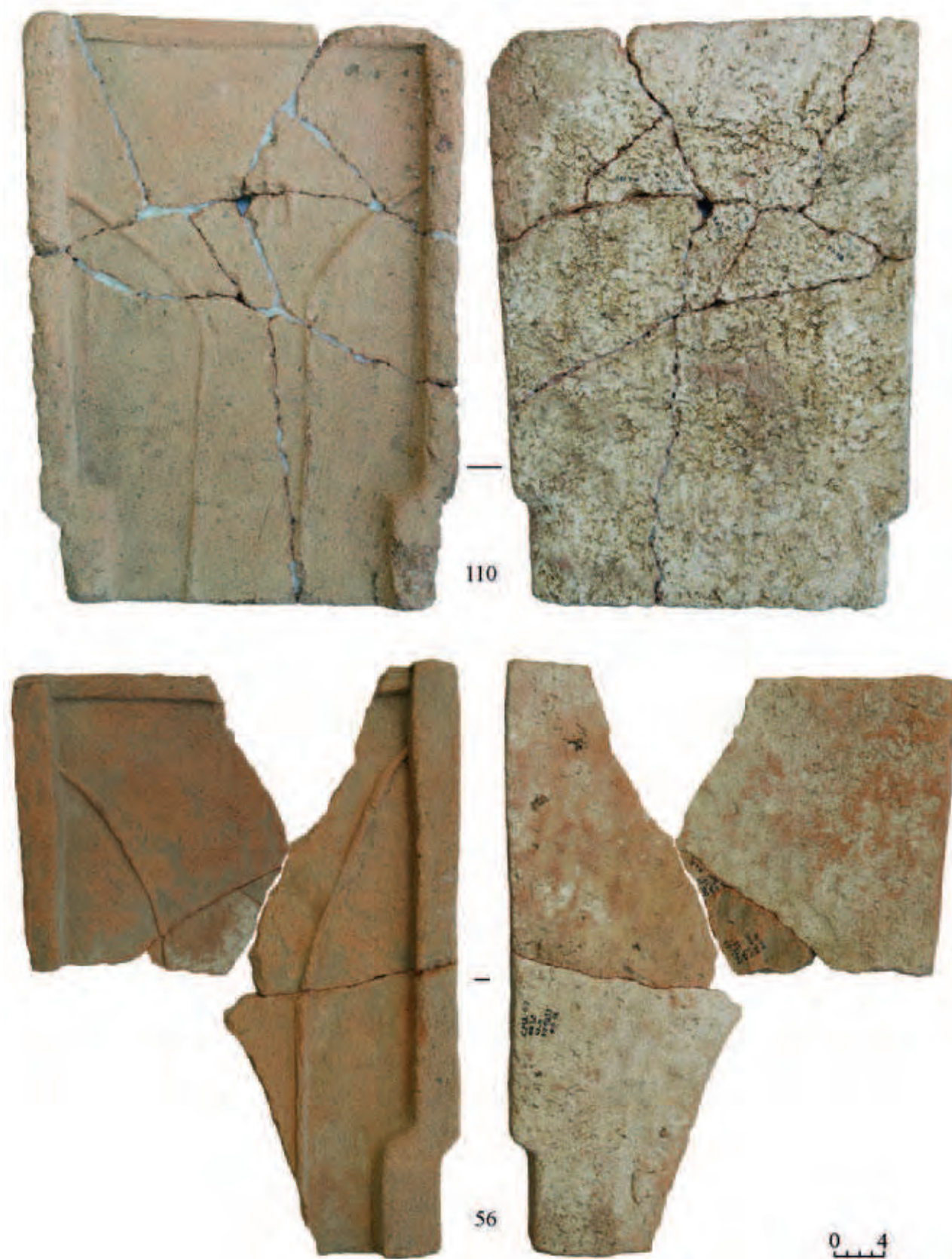

Рис. 3.5. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками, тип 1.

56 – слой № 4; 110 – слой № 6-1.

Fig. 3.5. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with marks, type 1.

56 – layer no 4; 110 – layer no 6-1.

Рис. 3.6. Храм на холме Тузлук. Керамиды с метками и водосливными валиками, тип 1.

3 – слой № 1; 5, 8, 26 – слой № 2; 40, 68, 70 – слой № 4; 112 – слой № 6-1.

Fig. 3.6. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways and marks, type 1.

3 – layer no 1; 5, 8, 26 – layer no 2; 40, 68, 70 – layer no 4; 112 – layer no 6-1.

ками. Из них 3 – в виде перевернутой трезубой тамги («трезубца») (рис. 3.4-3.6: 26, 40, 110); 7 – в виде греческих литер «λ» (4) (рис. 3.1-3.3), «В» (2) (рис. 3.4; 3.6: 5, 8) и сочетания букв предположительно «р» и «п» (1) (рис. 3.4; 3.6: 70); 1 – в виде V-образной фигуры (рис. 3.4; 3.6: 3); 1 – в виде горизонтальной черты между водосливными валиками (рис. 3.4; 3.5: 56).

Метки в виде перевернутого угловатого «трезубца» расположены в верхней части лицевой поверхности керамид, на расстоянии около 1,9 (1) и 12 (2) см от верхнего торцевого борта, размер их соответственно – 6,4×7,0 см; 4,6×6,2 см; 4,8×6,2 см. Две последние оттиснуты в одной матрице (рис. 3.4: 40, 110). Происходят из слов групп IV, VII, IX, то есть использовались как во втором, так и в третьем строительных периодах. Близкая аналогия первой метке найдена в материалах, добытых при раскопках поселения VIII–X вв. у побережья моря, на правом берегу р. Улу-Узень в г. Алушта (Телиженко 2010: л. 106, 140, рис. 20: 1; 54: 1)⁵. Сходство изображений позволяет предположить, что керамида из церкви у с. Семидворья и черепица из Алушты могли быть изготовлены в одной мастерской.

Единичные находки керамид с аналогичными символами, хотя и несколько отличающимися в деталях, происходят также из раскопок поселения VIII–X вв. на плато Тепсень у п. Планерское-Коктебель близ Феодосии (Бабенчиков 1953: рис. 28: 20; 1958: 127-128; Якобсон 1979: 68, рис. 42: 34; Майко 2004: 208, рис. 118: 10), ряда объектов в Симеизе близ Ялты (Паршина 1974: 85-86, рис. 27: 16, 17) и жилых кварталов Херсонеса (Романчук 2004: 144, табл. 8: E49, рис. 7: 4). Ассоциация «трезубца» с «буквенными знаками», предложенная А.И. Романчук (2004: 144, табл. 8), вряд ли оправдана. Скорее всего, «трезубец» представляет собой разновидность тамгообразных знаков. Следует отметить, что распространение таких символов в Северном Причерноморье относится ещё ко времени Боспорского царства, в котором «триденс» – символ бога Посейдона стал постоянным элементом гербов боспорских правящих династий, связывавших свое происхождение с мифическим героем Евмолпом, сыном Посейдона (Драчук 1975: 63). Сам символ, безусловно, более древнего происхождения и был достаточно широко распространен. Он известен, например, как эмблема древней минойской цивилизации и даже в качестве атрибута индуистского бога Шивы («тришула») и пр. (см. напр.: Гринцер 2003: 643). Однако, как отмечает В.С. Драчук, не всегда можно говорить об общем происхождении схожих символов и их длительной преемственности на одной территории (Драчук 1975: 93).

Знаки в виде «λ» ориентированы вертикально, расположены у верхнего торца керамид (не более чем в 0,5-0,6 см от борта), чуть смещены от центра вправо, представлены в двух вариантах исполнения. Три из них

– это оттиски одной матрицы. Здесь литера изображена с изогнутыми верхним и нижним окончаниями (размер – около 6,8×10,1 см) в сочетании с двумя разновеликими вертикальными полосами, расположенными примерно в 6 см внизу от неё (рис. 3.1-3.3: 47, 101, 120). Происходят из слоев групп IV и VII. Следовательно, эти керамиды использовались как во втором, так и в третьем строительных периодах.

Второй вариант «λ» – с одним верхним изгибом (высота буквы – 4,7×9,8 см). Литера дополнена широкой V-образной фигурой, расположенной на одной линии слева от буквенного знака (рис. 3.1; 3.2: 36). Керамиды со знаком второго варианта найдены в слое разрушения второго строительного периода (группа IV). Метки в виде «лямбды» изредка встречаются в Херсонесе (Якобсон 1950: 151, табл. 22: 25; Романчук 2004: 145-146, табл. 10; 11), Эски-Кермене близ Бахчисарая (Паршина 1988: 41, №№ 59, 60, 66, 67), в материалах из раскопок храма в Верхней Массандре близ Ялты (Паршина 1974: 89, рис. 31), но они здесь исполнены в совершенно иной манере. Точные аналогии семидворским экземплярам найти не удалось.

Обе литеры «В» ориентированы горизонтально, одна из них сохранилась частично, вторая – полностью, она располагается примерно в 4,7 см от верхнего торцевого борта. Знаки практически идентичны по начертанию, их размеры – 1,6×4,0 см (рис. 3.4; 3.6: 5, 8). Происходят из слов группы IX. Такие метки относятся к одним из наиболее распространённых в Крыму и на синхронных семидворскому храму объектах встречаются довольно часто. Представительные коллекции происходят из городища на плато Тепсень (Бабенчиков 1953: 113; 1958: 128, рис. 19; Якобсон 1979: 68, рис. 42; Майко 2004: 208, рис. 118: 6), раскопок Биюк-Исара у с. Оползнево (бывший Кикинеиз), укрепления на мысе Троица близ пгт. Понизовка (бывший Ашагы Кикинеиз) (Паршина 1974: 83-84, рис. 22: 1-5; 25: 1, 2), Эски-Кермена (Паршина 1988: 40, рис. 3: 1-3), Мангупа, Херсонеса (Якобсон 1950: 131, табл. 9: 122, 126-128; Тиханова 1953: 431, №№ 19-21; Романчук 1977: 184, рис. 2; Мыц 1990: 230, рис. 6; Романчук 2004: 140-141, рис. 17; 18; табл. 2; 3; 42) и др. Наиболее близки по манере исполнения и стилю буквы на изделиях, найденных на городище Тепсень и в укреплении Биюк-Исар, однако сложно определить степень схожести матриц, так как рисунки меток в публикациях схематичны, а фотографии отсутствуют.

Также часты V-образные знаки (см. напр.: Якобсон 1979: 68-70, рис. 42: 25-27; Завадская 2008: 312, 315, рис. 2: 6; 5: 5; 2010: 260-261, илл. 5: 4; 6: 5). Однако метка из раскопок храма у с. Семидворье сохранилась лишь частично, полный абрис её не ясен (рис. 3.4; 3.6: 3). Возможно, что в данном случае видна только часть изображения более сложной конфигурации.

На одном фрагменте керамиды видна метка в виде двух литер «р» и «п», оттиснутая примерно в 3 см от верхнего торцевого борта (рис. 3.4; 3.6: 70). Обломок найден в слое разрушения третьего строительного пе-

⁵ Выражаю благодарность С.А. Телиженко за любезно предоставленную возможность использовать для поиска аналогий неопубликованные материалы его раскопок 2009-2010 гг. (Телиженко 2010).

риода (слой № 4). Буквы выполнены в низком рельефе (не более 0,15-0,2 см) тонкой линией (до 0,2-0,25 см), литеры высотой до 2,4-2,8 см, оттиск не четкий. Обращает на себя внимание довольно высокое качество выделки самой керамики, не отмеченное при исследовании других экземпляров. После извлечения из формы края изделия по периметру, а также ребра бортов были аккуратно подрезаны, внутреннюю грань высокого борта дополнительно подравнивали, поверхность вдоль торцового борта проработали пальцевым заглаживанием. Точные аналогии изображению найти не удалось. В материалах из Херсонеса и Эски-Кермена среди черепичных клейм встречены только отдельные литеры «р» или «л», исполненные в совершенно иной манере (Яacobсон 1950: 134-135, табл. 8: 92-96; 11: 178; 21: 27, 55; 1970: 156-163, табл. I: 1-4; III: 57-65; Паршина 1988: 41, рис. 3: 69, 71, 78).

В единственном экземпляре представлен также знак в виде горизонтальной черты, расположенной по центру между водосливными валиками, в верхней части изделия, на расстоянии 8,0 см от торцового борта (рис. 3.4, 3.5: 56). Высота метки в разрезе – до 0,25 см, ширина – около 0,3 см, длина – около 5,0 см. Керамика происходит из слоя разрушения третьего строительного периода (слой № 4). Несмотря на всю примитивность знака, точные аналогии ему найти не удалось.

Калиптеры, как и керамики, изготавливались в плоской матрице, поверхность которой моделировалась уступом и, в некоторых случаях, углублениями под валики и метки или в деревянной рамке. Затем на специальном шаблоне им придавалась необходимая выгнутая форма (см. напр.: Оустерхаут 2005: 161)⁶. От этой операции на лицевой поверхности изделий часто образуются небольшие трещины, расположенные вдоль зоны изгиба, впоследствии затертые пальцами. Уступ служил для лучшей фиксации вышележащих калиптеров при укладке кровли внахлест.

В целом из 117 обломков реконструировано 5 целых форм, 2 изделия с полной длиной и 14 – с полной шириной (рис. 3.14-3.28). Толщина поля у всех экземпляров не превышает 1,5-2,4 см, глубина уступа – не более 0,4-0,5 см. По морфологическим характеристикам они разделены на 5 типов.

1. Калиптеры равномерной ширины с манжетом (участок между верхним краем и уступом) длиной около 7,2-9,6 см (рис. 3.14; 3.15: 103; 3.16-3.19: 72, 97; 3.20: 54, 97, 115). Размеры реконструированных экземпляров – около 18,0-18,3×46,1-48,4 см, вес – около 3,9 кг.

2. Калиптеры равномерной ширины с манжетом длиной около 4,0-5,2 см (рис. 3.18-3.20: 52, 78; 3.21; 3.22; 3.25: 51, 55(?), 116). Размеры реконструированных экземпляров – около 15,6-16,3×42,3-43,3 см и 22,4×43,3 см. Вес – около 3,4-3,5 кг.

3. Калиптеры, равномерно расширяющиеся к низу с

манжетом длиной 4,4 см (рис. 3.21; 3.22: 114). Размер полностью восстановленного изделия – 18,0-22,0×44,3 см. Вес – 3,5 кг.

4. Калиптеры равномерной ширины с широким манжетом и поперечным валикообразным выступом на расстоянии около 4,0-4,4 см от нижнего торца. Один экземпляр реконструирован полностью (рис. 3.23-3.25: 93(?), 98). Его размеры – 17,3×48,2 см, длина манжета – 9,8 см, сечение валика – 0,3×0,6-0,7 см, вес изделия – 3,5 кг.

5. Вероятно, к пятому типу следует отнести калиптер с поперечным валикообразным выступом без манжета или с узким (не более 4,0 см) верхним манжетом (рис. 3.23; 3.24: 53). Верхний край изделия утрачен, поэтому точно определить его конфигурацию не представляется возможным. Ширина черепицы – 15,9 см, сохранившаяся длина – 44,6 см, сечение валика – 0,4×0,8 см.

Более или менее точно процентное соотношение разных типов в общей массе калиптеров определить довольно сложно. Это связано с тем, что у них меньше типобразующих признаков, чем у керамики, и эти признаки не так ярко выражены. Большинство фрагментированного материала практически невозможно соотнести с тем или иным типом изделий.

На пяти калиптерах отмечены рельефные клейма, два из которых представляют из себя, вероятно, буквы греческого алфавита «р». Три – несут на себе знаки в виде неопределенных символов (рис. 3.14; 3.15). Метки на калиптерах, в отличие от знаков на керамиках, выполнены тонкой линией (до 0,3 см) в низком рельефе (до 0,2-0,25 см), из-за чего их конфигурация не отчетлива, и зачастую полный контур не прослеживается (рис. 3.14; 3.15: 65, 66, 103, 113, 147). Еще на одном экземпляре присутствует, возможно, знак в виде «трезубца», который прочерчен острым стержнем по сырой глине (рис. 3.14: 148). Аналогии этим меткам найти не удалось.

Вся черепица из раскопок храма датируется в рамках второй половины VIII–X в. или IX–X вв. (см. напр.: Яacobсон 1970: 37-38, 47-51; Паршина 1974: 77-92; Моисеев 2011). Однако период использования изделий мог быть более продолжительным. Для детальной хронологии типов черепицы в настоящее время все еще недостаточно материалов.

Обладая информацией о средних размерах и весе керамики и калиптера, конструкции и параметрах крыши, а также технике укладки кровельных материалов (рис. 1.65), можно вычислить среднее количество использованной черепицы и общий вес керамического перекрытия. Согласно реконструкции архитектора В.П. Кирилло (см. главу 1 «Архитектурно-конструктивные особенности и строительная периодизация храма») крыша здания была двухскатной с размерами 7,30×4,50 м для северного ската и 7,30×2,30 м для южного во втором строительном периоде и соответственно 7,30×2,30 м и 7,30×4,80 м в третьем строительном периоде.

При дальнейших расчетах количества кровельных

⁶ Довольно точно реконструировать процесс изготовления калиптеров можно по этнографическим данным (Hampe, Winter 1965: Taf. 15, 42) (см. рис. 3.29; 3.30).

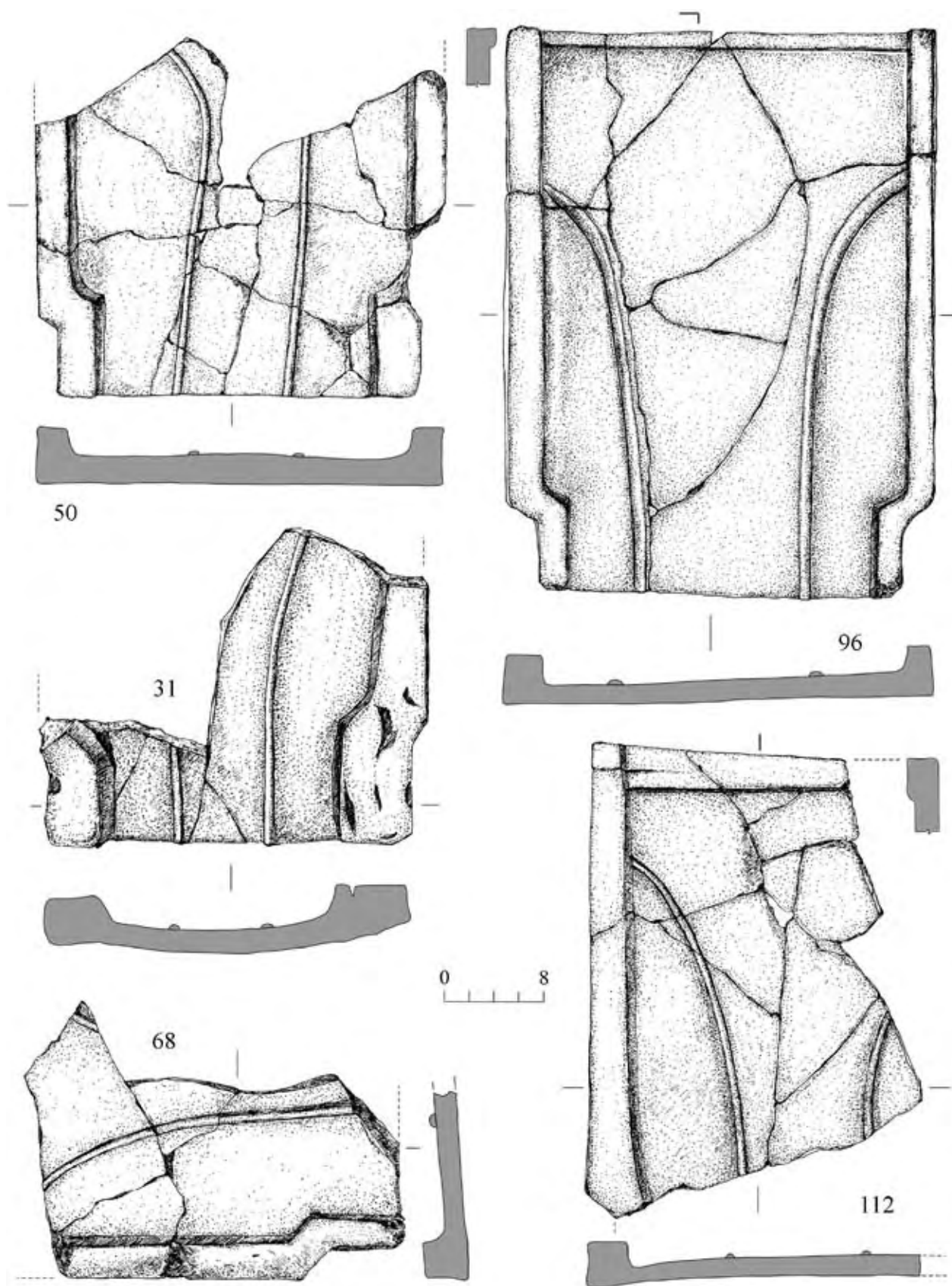

Рис. 3.7. Храм на холме Тузлук. Керамиды с водосливными валиками, тип 1.
31 – слой № 2; 50, 68 – слой № 4; 96 – слой № 6, яма 2; 112 – слой № 6-1.

Fig. 3.7. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways, type 1.
31 – layer no 2; 50, 68 – layer no 4; 96 – layer no 6, pit 2; 112 – layer no 6-1.

Рис. 3.8. Храм на холме Тузлук. Керамиды с водосливными валиками, тип 1.

31 – слой № 2; 50 – слой № 4; 96 – слой № 6, яма 2.

Fig. 3.8. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles with waterways, type 1.

31 – layer no 2; 50 – layer no 4; 96 – layer no 6, pit 2.

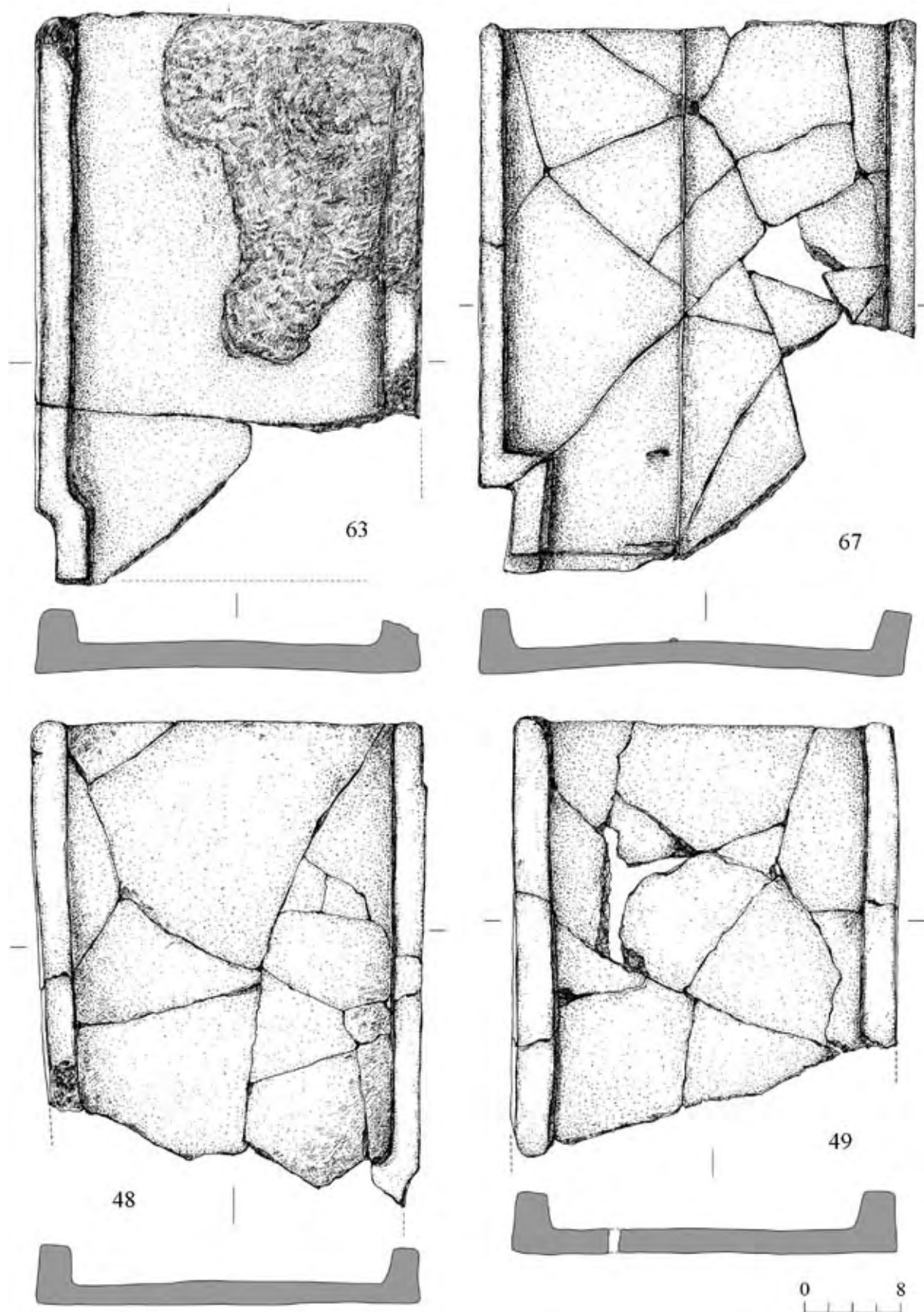

Рис. 3.9. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2 (48, 49, 63) и тип 3 (67), слой № 4.
Fig. 3.9. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2 (48, 49, 63) and type 3 (67), layer no 4.

Рис. 3.10. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2 (63) и тип 3 (67), слой № 4.
Fig. 3.10. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2 (63) and type 3 (67), layer no 4.

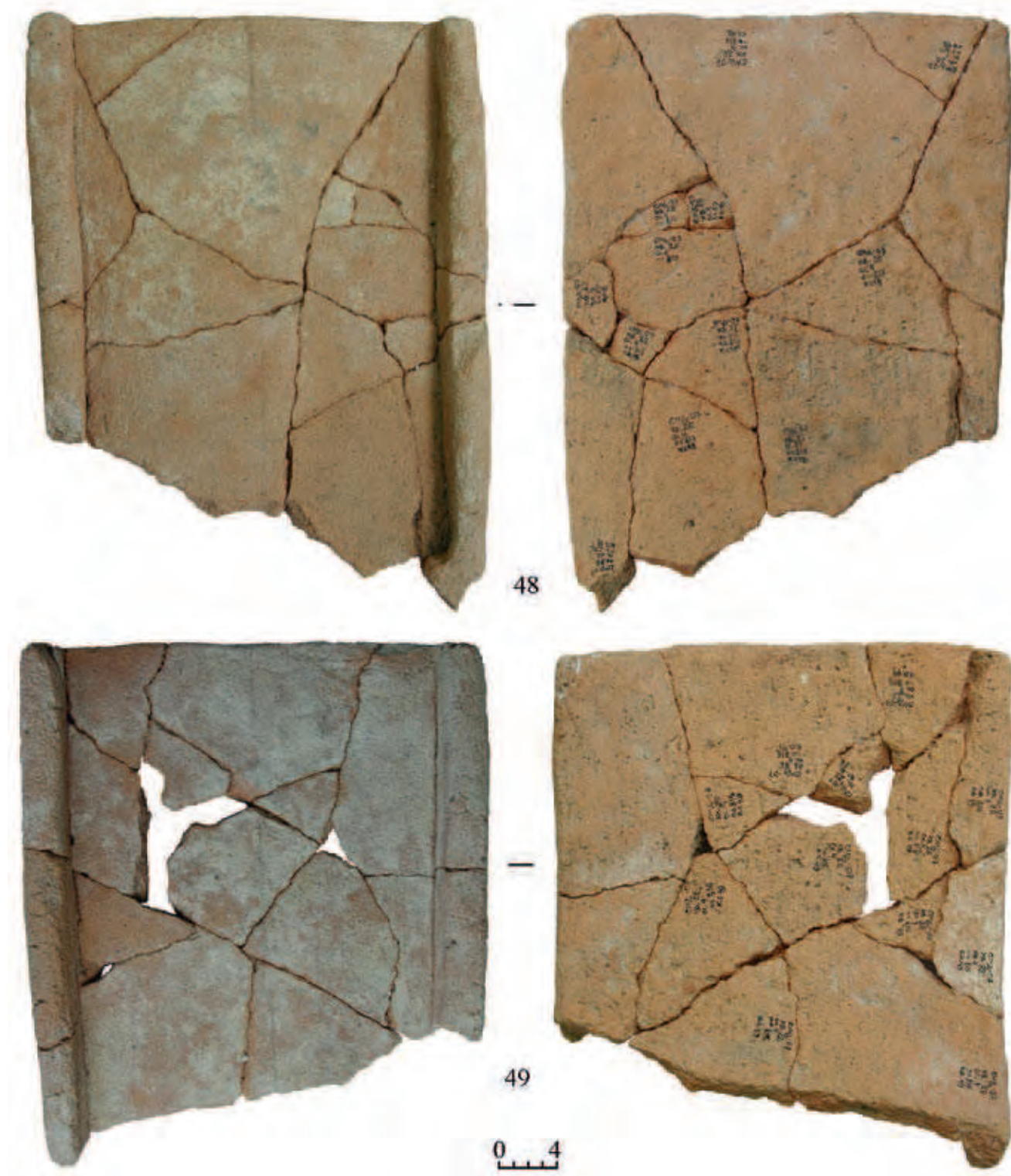

Рис. 3.11. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2, слой № 4.

Fig. 3.11. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2, layer no 4.

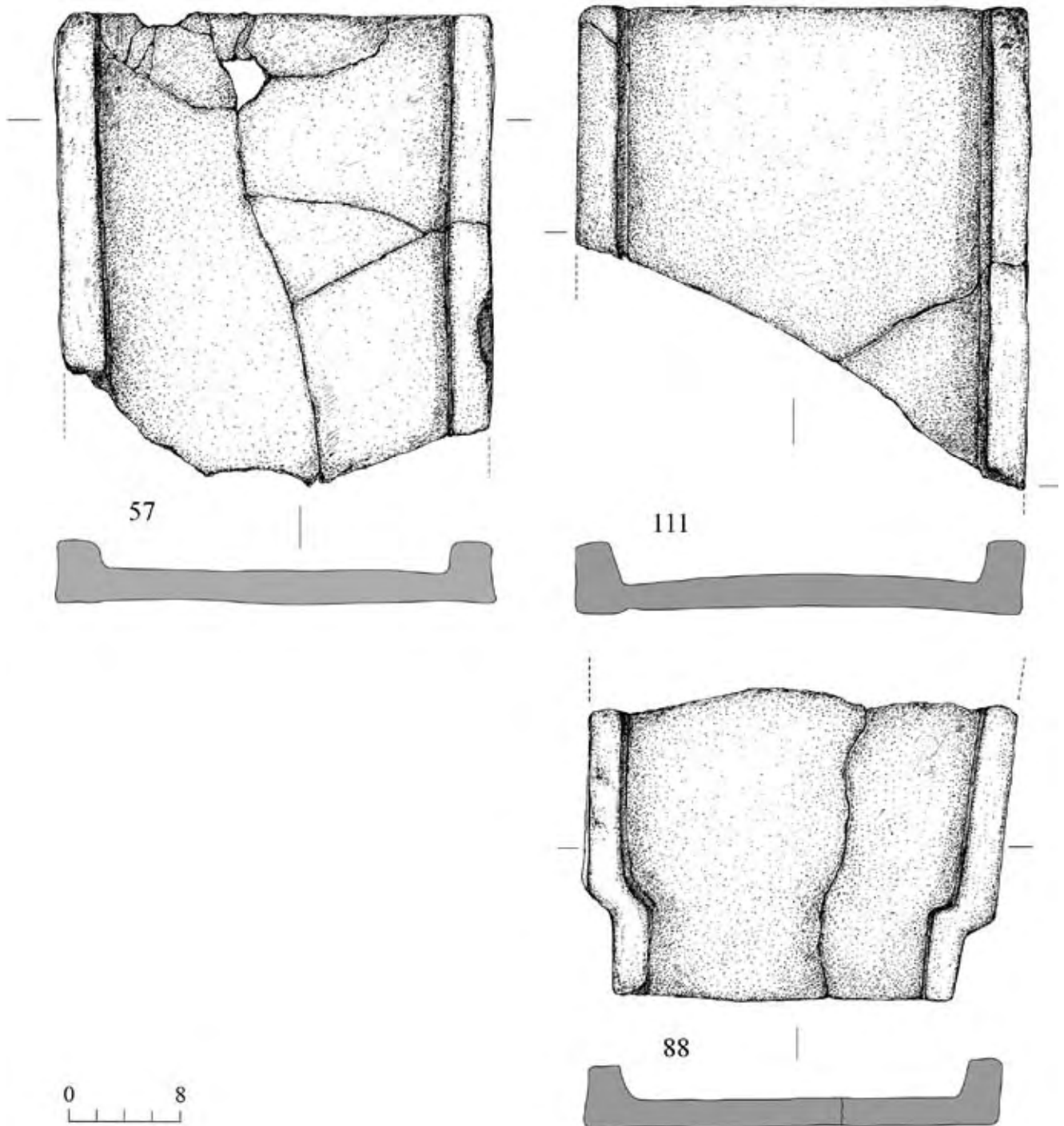

Рис. 3.12. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2.

57 – слой № 26; 88 – слой № 6; 111 – слой № 6-1.

Fig. 3.12. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2.

57 – layer no 26; 88 – layer no 6; 111 – layer no 6-1.

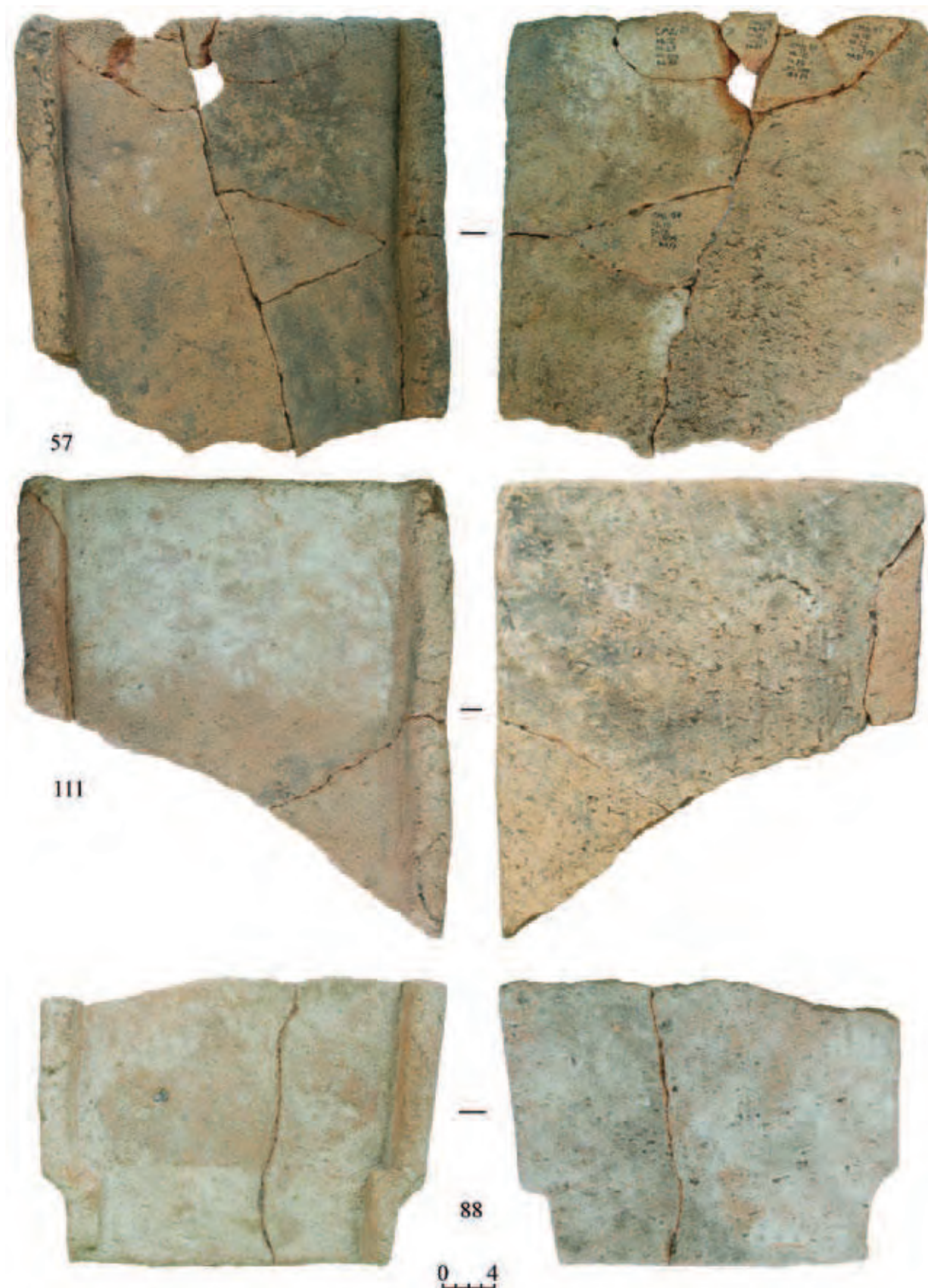

Рис. 3.13. Храм на холме Тузлук. Керамиды без водосливных валиков, тип 2.
57 – слой № 26; 88 – слой № 6; 111 – слой № 6-1.

Fig. 3.13. Church on the Tuzluk hill. Roof tiles without waterways, type 2.
57 – layer no 26; 88 – layer no 6; 111 – layer no 6-1.

материалов необходимо учитывать следующие средние параметры единицы конструкции: ширину керамиды и длину её поля до коленчатого изгиба, а также длину калиптера до уступа, разделяющего части изделий, укладываемые внахлест.

Для соответствующих обмеров доступны 9 археологически целых и 7 частично реконструируемых керамид (из них 5 экземпляров с полным весом) и 7 реконструированных форм калиптеров (5 экземпляров с полным весом):

Таблица 1. Параметрические характеристики черепицы.

	№ п/п	Ширина, см	Длина, см	Длина до уступа, см	Полный вес, кг	№№ по каталогу
керамиды	1	32,7	44,7	38,1	7,0	47
	2	32,8	44,7	38,6	6,96	36
	3	33,1	44,9	37,6		120
	4	32,5	45,2	39,0		101
	5	33,4	45,2	37,6	7,38	110
	6	33,5	44,7	36,7		56
	7	33,8	45,9	42,5	6,5	96
	8	32,3				50
	9			38,1		112
	10	36,0	44,7	38,6		67
	11	31,1	48,5	42,4	~ 6,3-6,4	63
	12	32,4		37,6		48
	13	32,1				49
	14	31,0				57
	15	32,2				111
	16	31,1				88
параметры 1 изд. в среднем		32,7	45,4	38,8	6,8	
калиптеры	1	18,3	48,4	40,0	~ 3,9	121
	2	18,2	46,1	37,6	~ 3,9	104
	3	16,7	46,6	38,8		72
	4		42,3	37,2		78
	5	17,3	48,2	38,4	3,5	98
	6	22,4	43,3	40,0	3,44	113
	7	18-21,5	44,3	42,0	3,5	114
параметры 1 изд. в среднем		18,9	45,6	39,1	3,6	

Таким образом, для покрытия пространства 7,30×2,30 м было необходимо около 22 горизонтальных и 6 вертикальных рядов керамиды и около 21 вертикального ряда калиптеров по 6 изделий в каждом. Соответственно общее число керамид составляло около 132 ед., калиптеров – 126 ед.

Для покрытия площади 7,30×4,50 м требовалось примерно 242 керамиды и 231 калиптер, для пространства 7,30×4,80 м – 264 керамиды и 252 калиптера, для конька длиной 7,30 м – 18-19 калиптеров. Из этого следует, что в кровле второго строительного периода было использовано примерно 374 керамиды и 375-376 калиптеров, третьего строительного периода – 396 керамиды и 396-397 калиптеров.

Учитывая средний вес 1 керамиды (6,8 кг) и 1 калиптера (3,6 кг), можно предположить, что приблизительная масса кровли для второго строительного периода составляла около 3893-3897 кг, для третьего – около 4118-4122 кг.

Исходя из полученных данных о весе черепичного покрытия для двух этапов функционирования храма, можно заключить, что в слое разрушения второго строительного периода (IV группа) археологизировалось около 5% кровельных материалов, а остальные изде-

лия, скорее всего, были извлечены и использованы для восстановительных работ в третьем строительном периоде. В отложениях, связанных с окончательным разрушением здания и последующим использованием его руин (слои VII–IX группы) осталось около 8% кровли, что также может указывать на выборку значительной части черепицы обитателями балки Еди-Евлер для дальнейшего использования в хозяйстве. В пользу этого свидетельствует и значительная фрагментированность черепицы, и небольшое количество реконструируемых форм. Кроме того, как уже упоминалось, в слоях разрушения второго и третьего строительных периодов зафиксированы одни и те же типы, виды и даже серии черепицы (например, серия керамид с метками в виде «трезубца», «л» и пр.). Это обстоятельство подтверждает вторичное использование одних и тех же изделий на разных этапах существования церкви, а также указывает на то, что довольно значительное число черепицы осталось пригодной для вторичного использования даже после обрушения кровли и частичного разрушения самого здания в конце второго строительного периода.

На сегодняшний день не существует сомнений в том, что вся эта черепица была местного крымского произ-

водства. Однако, она могла происходить из разных гончарных мастерских, точная локализация которых на данном этапе исследования затруднительна.

Остальные категории глиняных изделий представлены меньшим количеством фрагментов.

Тарная керамика включает фрагментированные пифосы, амфоры, флягу и донную часть кувшина, относящегося к виду, традиционно называемому «высокогорлыми кувшинами с широкими плоскими ручками».

В слоях находки распределяются следующим образом:

Строит. периоды	Группы слоев	ТАРА											
		пифосы			амфоры			фляги			кувшины ⁷		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I-II	I	1	8	50%	1	39	50%	–	–	–	–	–	–
	II	28	3519	44%	35	2259	56%	–	–	–	–	–	–
	III	1	44	14%	6	646	86%	–	–	–	–	–	–
	IV	39	12332	35%	74	8268	65%	–	–	–	–	–	–
<i>Итого:</i>		69	15903	37%	116	11212	63%	–	–	–	–	–	–
III	V	11	4700	92%	1	57	8%	–	–	–	–	–	–
	VI	1	9	33%	2	144	67%	–	–	–	–	–	–
	VII	49	13231	19%	202	6769	78%	–	–	–	7(1)	418	3%
<i>Итого:</i>		61	17940	22%	205	6970	75%	–	–	–	7	418	3%
IV	VIII	9	1211	100%	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	IX	34	5430	22,5%	116	3573	76,8%	1	48	0,7%	–	–	–
<i>Итого:</i>		43	6641	26,9%	116	3573	72,5%	1	48	0,6%	–	–	–
	клад-ки	2	1651	100%	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	п/м	20	1934	91%	2	42	9%	–	–	–	–	–	–
<i>Всего:</i>		195	44069	30,4%	439	21797	68,4%	1	48	0,1%	7	418	1,1%

Находки *пифосов* немногочисленны – всего 195 фрагментов (44,069 кг). Это около 30,4% тарной керамики, найденной при раскопках. В их числе – 2 венчика и 3 днища (рис. 3.31), что свидетельствует об использовании в процессе функционирования комплекса как минимум двух целых и одного фрагментированного сосудов, последний из которых представлен нижней частью корпуса. Больше всего обломков происходит из слоев разрушения второго и третьего строительных периодов. Остатки одного из сосудов (рис. 3.31: 105) найдены в слое № 6-2 внутри северного компартимента, двух других (рис. 3.31: 20, 134, 138) – в слоях №№ 2, 12 и 12а в южном компартименте. Представляется, что эти сосуды или их части каким-то образом могли применяться в качестве храмового инвентаря, возможно, они были задействованы в совершавшемся здесь литургическом последовании. Кроме того, к востоку от южного входа в храм, как уже упоминалось, были зафиксированы остатки пифосной ямы (№ 8), синхронной периоду сооружения здания. Вероятно, здесь располагался сосуд, который, скорее всего, использовался как резервуар для воды при строительных работах. Судя по стратиграфии, после завершения строительства, он был изъят, а сама яма засыпана грунтом в процессе благоустройства территории вокруг церкви. Исходя из конфигурации ямы,

можно судить о форме тулова пифоса, которое имело вытянутые оваловидные очертания с максимальным расширением в верхней части.

Найденные при раскопках храма фрагменты принадлежат толстостенным пифосам одной группы⁸ местного производства, для которых характерно значительное количество примесей дресвы и шамота в тесте⁹. Черепок их достаточно плотный, различных оттенков красного и жёлто-красного цветов. Пифосы сформованы без использования гончарного круга, в технике скульптурной лепки, путем наращивания глиняных жгутов. В месте соединения друг с другом жгуты оформлялись глубокими пальцевыми вдавлениями, что, видимо, увеличивало прочность их сцепления. Толщина стенок сосудов – в среднем около 1,7-3,5 см.

По основным морфологическим характеристикам все фрагментированные пифосы, а также, вероятно, пифос, находившийся в яме № 8, можно отнести к одному типу сосудов с вытянутым оваловидным туловом, специально профилированной цилиндрической ножкой, низким горлом и массивным треугольным в сечении венчиком двух вариантов.

⁷ Учтено семь фрагментов от одного сосуда, из шести из них реконструирована донная часть кувшина.

⁸ Под группой здесь и далее подразумеваются изделия одной или родственных гончарных мастерских (см. напр.: Волков 1992: 2; 2005: 132).

⁹ Зерно длиной около 0,2-0,5 см, дресва тёмно-коричневого цвета, вероятно, местных пород таврической серии.

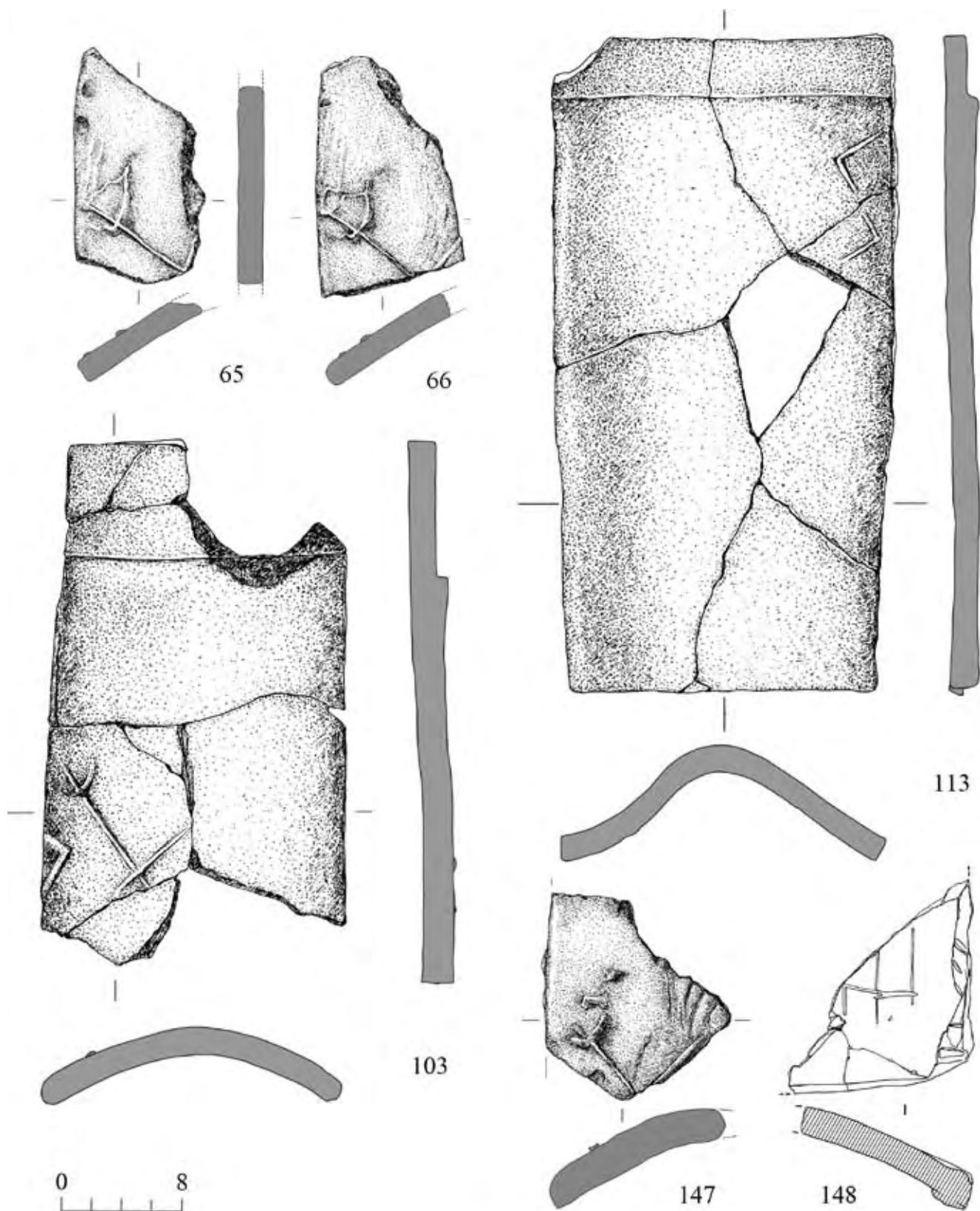

Рис. 3.14. Храм на холме Тузлук. Калиптеры с метками (103 – тип 1; 113 – тип 2).
 65, 66 – слой № 4; 103 – слой № 6; 113 – слой № 6-1; 147 – кладка № 2; 148 – слой № 18 (могила № 1).
 Fig. 3.14. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry with marks (103 – type 1; 113 – type 2).
 65, 66 – layer no 4; 103 – layer no 6; 147 – laying no 2; 148 – layer no 18 (Grave no 1).

Рис. 3.15. Храм на холме Тузлук. Калиптеры с метками (103 – тип 1; 113 – тип 2).
103 – слой № 6; 113 – слой № 6-1; 147 – кладка № 2.

Fig. 3.15. Church on the Tuzluk hill. Kalypters with marks (103 – type 1; 113 – type 2).
103 – layer no 6; 113 – layer no 6-1; 147 – laying no 2.

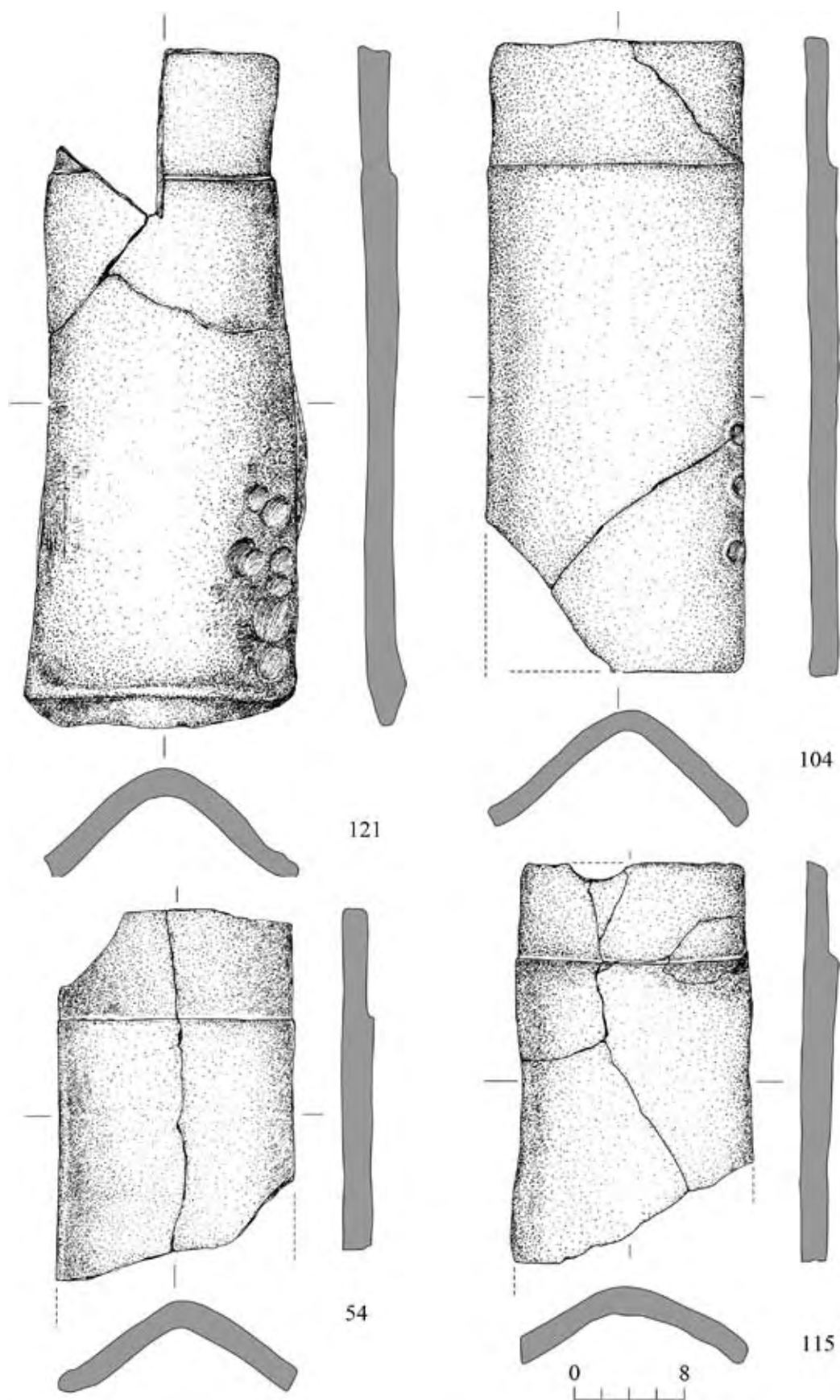

Рис. 3.16. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1. 54 – слой № 4; 115, 121 – слой № 6-1; 104 – слой № 6-2.
 Fig. 3.16. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 1. 54 – layer no 4; 115, 121 – layer no 6-1; 104 – layer no 6-2.

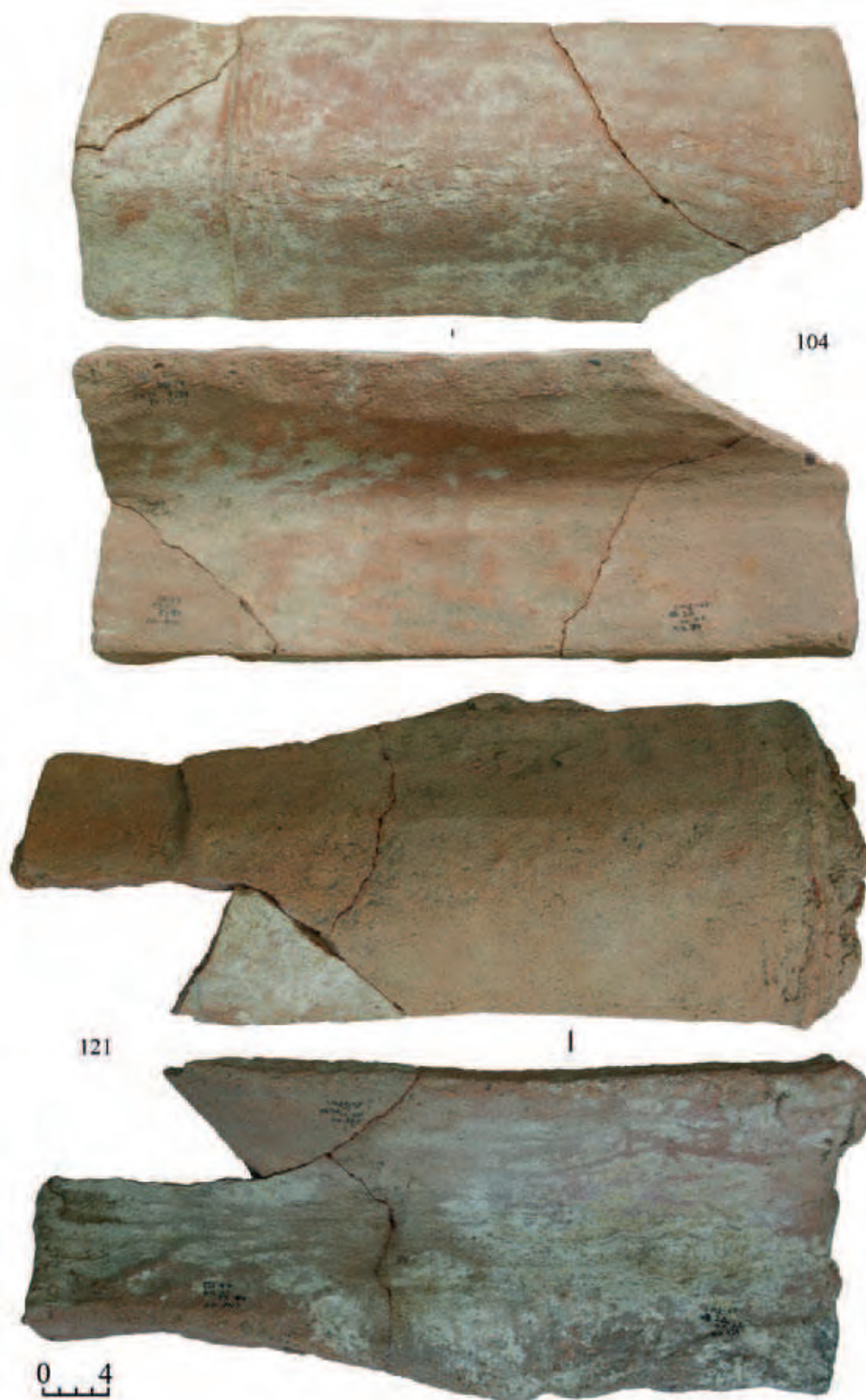

Рис. 3.17. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1. 121 – слой № 6-1; 104 – слой № 6-2.
Fig. 3.17. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 1. 121 – layer no 6-1; 104 – layer no 6-2.

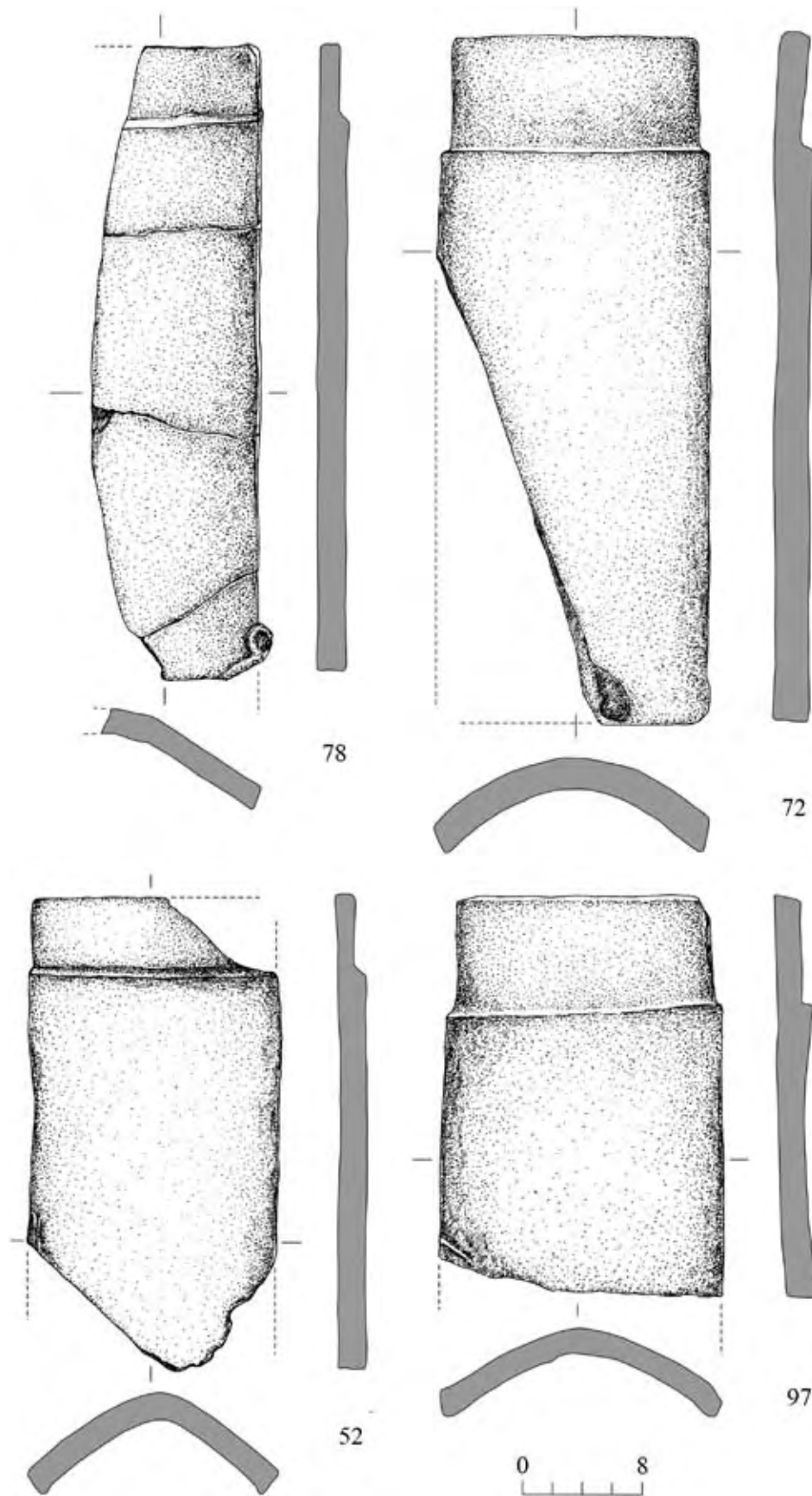

Рис. 3.18. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (72, 97) и тип 2 (52, 78). 52, 72, 78 – слой № 4; 97 – слой № 6, яма № 2.
 Fig. 3.18. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 1 (72, 97) and type 2 (52, 78). 52, 72, 78 – layer no 4; 97 – layer no 6, pit no 2.

Рис. 3.19. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (72) и тип 2 (78), слой № 4.
Fig. 3.19. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 1 (72) and type 2 (78), layer no 4.

Рис. 3.20. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 1 (54, 97, 115) и тип 2 (52).
 52, 54 – слой № 4; 97 – слой № 6, яма № 2; 115 – слой № 6-1.
 Fig. 3.20. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 1 (54, 97, 115) and type 2 (52).
 52, 54 – layer no 4; 97 – layer no 6, pit no 2; 115 – layer no 6-1.

Вариант 1. С широким плоским верхом (рис. 3.31: 20). Диаметр – 27 см, ширина – 4,8 см.

Вариант 2. С широким верхом, оформленным закраиной под крышку (рис. 3.31: 105). Диаметр – 28 см, ширина – около 6 см.

Подобные пифосы в большом количестве появляются на территории Южного, Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма примерно со второй половины VIII–IX в. (см. напр.: Якобсон 1966: 192-197, рис. 6; 7; 1970: 43-46, рис. 14; 1979: 33-39, рис. 17; Фронджуло 1968а: 121-122, рис. 25-26; Паршина 1974: 57-59, рис. 1: 5-9; 1991: 74, рис. 2; 2002а: 93, рис. 2; 6; 2002б: 125-126, рис. 2; 7; Майко 2004: 178, рис. 99). А.Л. Якобсон предполагает, что пифосы с «гладкостенным вытянутым, правильно-яйцевидным туловом» и массивным треугольным в сечении венчиком следует относить «преимущественно к IX или первой половине X в.» (см. напр.: Якобсон 1979: 36). Изготовление их в местных мастерских практически не вызывает сомнения (см. напр.: Фронджуло 1968а: 121-122; Якобсон 1966: 192-197; 1979: 43, 49; Паршина и др. 2001: 60-61). Однако более детальное соотнесение продукции с конкретными гончарными центрами в настоящее время затруднительно.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой процент находок аналогичных сосудов на синхронных салтово-маяцких памятниках Керченского полуострова (Зинько, Пономарев 1999: 188; Зинько, Пономарев 2007: 185, 190, рис. 2: 1; Науменко 2009а: 34-35). Вероятно, здесь использование таких «глиняных бочек» не было столь распространённым явлением как на остальной территории прибрежного и горного Крыма. Все эти сосуды здесь, скорее всего, являются привозными. Очевидно также, что на салтово-маяцких поселениях преобладала посуда, связанная с иными традициями гончарного производства.

Период бытования этого типа пифосов может быть довольно широким и выходить за рамки IX–X вв. На многослойных памятниках, в частности поселениях в Голубом Заливе, Ласпи, Партените, крепостях Алустон (г. Алушта) и Фуна (с. Лучистое, г. Алушта) гладкостенные пифосы с овалоидным туловом и массивным треугольным в сечении венчиком встречаются в слоях и закрытых комплексах XIII–XIV и XIV–XV вв. (Паршина 1974: 58-59, рис. 1: 5-9; Teslenko 2009: 870-872, 878-879, fig. 2, 3; Teslenko 2010б). Хорошей сохранности и продолжительности использования пифосов, безусловно, способствовали их массивность и прочность, а также то обстоятельство, что сосуды обычно вкапывались в землю и редко перемещались. В этой связи интересны сведения 1889 г., приведённые А. Маркевичем, об использовании крестьянами д. Мангуш (ныне с. Прохладное Скалистовского сельсовета Бахчисарайского района Автономной республики Крым) подобных «глиняных бочек», найденных на городище Бакла, «для ссыпки зерна» (Маркевич 1889: 109). Следует отметить, что состояние таких пифосов даже в настоящее время оказывается вполне удовлетворительным.

Кроме того, согласно этнографическим наблюдениям, традиции производства объёмной домашней тары весьма консервативны. Форма и способ выделки сосудов сохраняются длительное время, передаваясь из поколения в поколение, и мало подвержены влияниям моды. Так, например, на Крите в 60-е гг. XX в. изготавливали пифосы, по форме напоминающие пифосы из раскопок дворца в Кноссе (Hampe, Winter 1962: Taf. 2-8). Для обжига сосудов использовались горны, конструкция которых в деталях повторяла античные печи (Hampe, Winter 1962: Taf. 2-13). В Мессении (юго-западный Пелопоннес, Греция) и Абхазии в середине XX в. изготавливались и использовались пифосы, схожие по форме с сосудами VIII–X вв., известными благодаря раскопкам крымских памятников (рис. 3.32; 3.33) (Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21; Акаба 1955: рис. 3). Исходя из этих наблюдений, нельзя исключать, что в отдельных районах средневекового Крыма некоторые стандарты в производстве пифосов могли сохраняться достаточно долгое время. Следовательно, пифосы не могут использоваться в качестве надёжного хронологического индикатора. Период бытования самих сосудов в данном контексте определяется временем существования памятника в целом.

Амфоры в значительной степени фрагментированы (439 фрагментов весом 21,797 кг), составляют 68,4% тарной керамики, найденной при раскопках. Среди находок встречаются отдельные фрагменты профильных частей: 9 венчиков (слои №№ 2, 4, 7б), 7 днищ (слои №№ 6 и 7б), 10 ручек (слои №№ 2, 4, 6, 6-1, 6-2, 7б) (рис. 3.34; 3.35; 3.36: 1; 3.37). Кроме того – 6 частично реконструированных форм: 4 верхних части корпуса (3 из слоя № 6-2, 1 – из слоев №№ 2 и 7б), 1 днище (фрагменты из слоев №№ 6, 7б, 7-2 и заполнения могилы № 1) и 1 верхняя часть тулова с прочерченным волнистым орнаментом (слои №№ 6, 6-2, 7б) (рис. 3.34; 3.37: 18, 90, 107-109, 127). Таким образом, среди культурных остатков храма присутствуют обломки не менее чем 13-15 амфор. Большинство фрагментов концентрируется в слоях групп II, IV и VII. Интересно отметить, что обломки как минимум двух сосудов (90, 127) были рассредоточены на довольно значительной площади внутри северного компартамента и с внешней стороны апсид храма, в слоях групп I, II и IV. Вероятно, эти амфоры использовались в церковной жизни одними из первых. Не исключено, что изначально они оказались разбиты именно внутри северного компартамента, а затем их обломки переместили на территорию перед апсидами. Три частично реконструированных амфоры (рис. 3.34: 107-109) происходят из северного компартамента. Скорее всего, они располагались здесь в момент обрушения кровли и стен здания и были погребены под его обломками. При расчистке руин еще в эпоху средневековья часть фрагментов сосудов могла быть извлечена и перемещена, поэтому сейчас эти амфоры не удается восстановить полностью.

Все без исключения амфоры из раскопок храма от-

носятся к одной группе гончарных изделий¹⁰, для которой характерен довольно плотный жёлто-красный или розово-красный черепок различных оттенков, а также формовочная масса с примесями значительного количества мелкодроблёного шамота, мелкой дресвы минерала тёмно-коричневого или серо-коричневого цветов¹¹ и рыхлого минерала белого цвета (известь?). Это группа так называемых амфор «северопричерноморского» или «причерноморского типа», которые в большом количестве и в довольно широком ассортименте изготавливались в местных гончарных мастерских в период VIII–X вв. (см. напр.: Якобсон 1979: 13; Паршина *и др.* 2001: 76–77).

На основании особенностей формы профильных частей, а также способов обработки внешней поверхности сосудов, в материалах из раскопок храма в урочище Еди-Евлер выделено три типа амфор.

1. Амфоры с отогнутым наружу скруглённым венчиком, оваловидным туловом с желобчатой (бороздчатой) поверхностью (рис. 3.34–3.37: 32, 37, 44, 45, 64, 80, 85, 107, 122). Ручки профилированы одним, реже двумя валикообразными выступами, крепятся под венчиком и в верхней части корпуса сосудов. Диаметр венчиков – 7,0–8,0 см.

2. Гладкостенные амфоры со слегка расширяющимся кверху горлом, оформленным небольшим реберчатым выступом по центру и слегка утолщённым, зауженным к краю венчиком. Ручки также профилированы продольным валиком, крепятся в нижней части горла и к плечу сосуда (рис. 3.34, 3.37: 108). Диаметр венчика – 12,0 см.

3. Гладкостенные амфоры с прямым, слегка утолщённым кверху венчиком со скошенным внутрь краем и горлом, профилированным небольшим реберчатым выступом (рис. 3.34, 3.36: 9, 18). Диаметр венчиков – 7,0 и 8,0 см.

Верхняя часть корпуса некоторых гладкостенных амфор украшена прочерченными одиночными горизонтальными прямыми или волнистыми линиями (рис. 3.34; 3.37: 90, 109). На один из фрагментов по обожжённому черепку нанесен орнамент в виде сложной плетёнки (рис. 3.35; 3.37: 258).

Днища сосудов округлые и вогнутые (рис. 3.34; 3.35, 3.37: 75, 81, 83, 91, 92, 126, 127, 128). Округлые днища, скорее всего, принадлежат амфорам первого типа, вогнутые – сосудам второго и третьего типов. Довольно сложно точно определить, как соотносятся разрозненные фрагменты венчиков и днищ, учитывая, что черепок и состав теста этих сосудов очень похожи.

В обобщающих классификациях средневековых амфор крымских памятников первому типу сосудов, выделенному среди материалов раскопок церкви у с. Семидворья, соответствуют тип XVI по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 90), второй вариант «причерноморского» типа по

А.Л. Якобсону (1979: 31, рис. 13: 1–4), класс 36 и, возможно, 38 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 60–61, табл. 23: 128, 129; 28: 132).

Различные варианты таких амфор хорошо известны практически во всех археологических комплексах Крыма IX–X вв. Они производились в большинстве известных на сегодняшний день гончарных центров Таврики этого периода и широко представлены на синхронных памятниках Приазовья и Подонья, а также других, более отдалённых от Крыма регионов (детальную географию находок и обзор литературы см.: Паршина *и др.* 2001: 76–77; Герцен *и др.* 2006: 399–400; Науменко 2009а: 43–47). Несмотря на массовость находок самих амфор, а также большое количество посвященных им публикаций, единая классификация, как и детальная хронология типов сосудов все ещё не разработаны (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 74–75; Науменко 2009а: 35–46).

Вопрос о генезисе форм местных «желобчатых» амфор более или менее ясен. Их прообразами, вероятнее всего, послужили импортные тарные сосуды, бывшие в обращении на территории Причерноморско-Средиземноморского региона в различных хронологических и локальных вариантах по меньшей мере с IV–VII вв. (LRA-1) до начала X в. (см. напр.: Arthur 1998: 157–184; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 451–455, fig. 6: 2, 4, 6, 10; Hayes 1992: 71–73, fig. 23, 25; Vroom 2005: 52–53, byz 11.2). Насколько эти амфоры сопоставимы с местными «причерноморками» по одним только иллюстрациям, приведённым в публикациях, судить сложно. Поиск таких параллелей исключительно на основе формы изделий, а также отсутствие четких критериев в выделении групп и типов сосудов могут привести к слишком громоздким классификациям и расплывчатым представлениям о хронологии амфор местного производства (см. напр.: Sazanov 1997: 87–101; Чхаидзе 2008: 144–148). Для более углубленного и объективного изучения вопросов происхождения внешне схожих изделий из различных регионов Причерноморья и Средиземноморья необходимы сопоставимые результаты их физико-химических анализов, что уже неоднократно отмечалось различными исследователями (см. напр.: Науменко 2009а: 46; Waywell, Wilkes *et al.* 1995: 455). Некоторые данные петрографических анализов, подтвердившие идентичность амфор, производимых в Крыму и найденных на памятниках Приазовья и Подонья, были получены еще в конце 60-х гг. XX в. (Ковнурко 1968: 119–122). Однако продолжение исследований и расширение такой базы данных продолжает быть актуальным.

Существуют различные представления о датировке «желобчатых» амфор местного производства. На сегодняшний день в историографии рассматривают две версии их общей хронологии – «длинную» и «короткую». Странники первой склонны датировать различные варианты этого типа в целом в рамках второй четверти VI – первой половины XI в. (Чхаидзе 2008: 144–151), VI – начала VII – первых десятилетий XI в. (Sazanov 1997: 87–101; Сазанов 2001: 240–245) или середины VIII

¹⁰ Под группой, как уже отмечалось, подразумевается продукция одной или нескольких родственных мастерских.

¹¹ Вероятно, породы таврической серии.

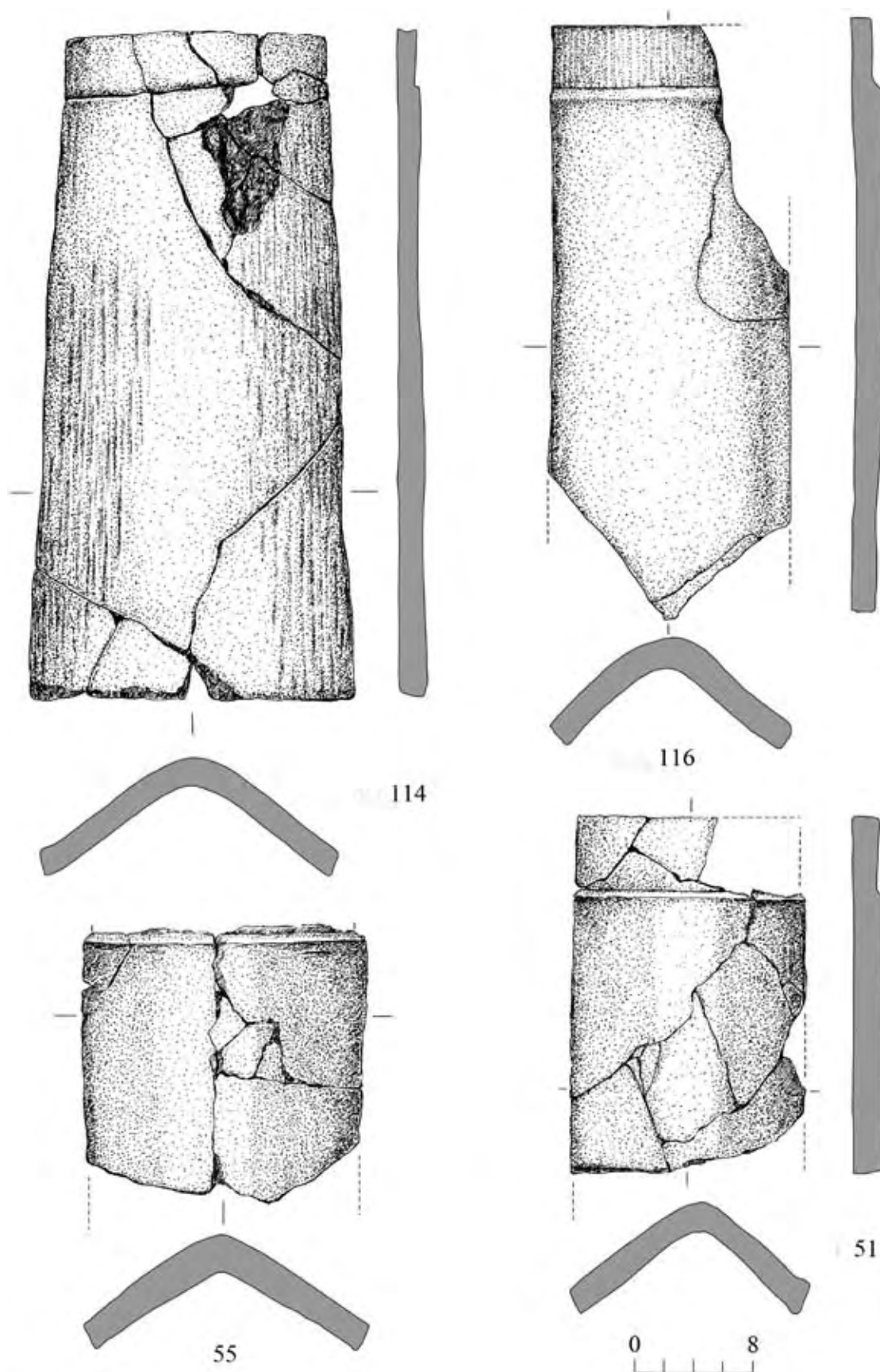

Рис. 3.21. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (51, 55?, 116) и тип 3 (114). 55, 51 – слой № 4; 114, 116 – слой № 6-1.
 Fig. 3.21. Church on the Tuzluk hill. Kalypers, type 2 (51, 55?, 116) and type 3 (114). 55, 51 – layer no 4; 114, 116 – layer no 6-1.

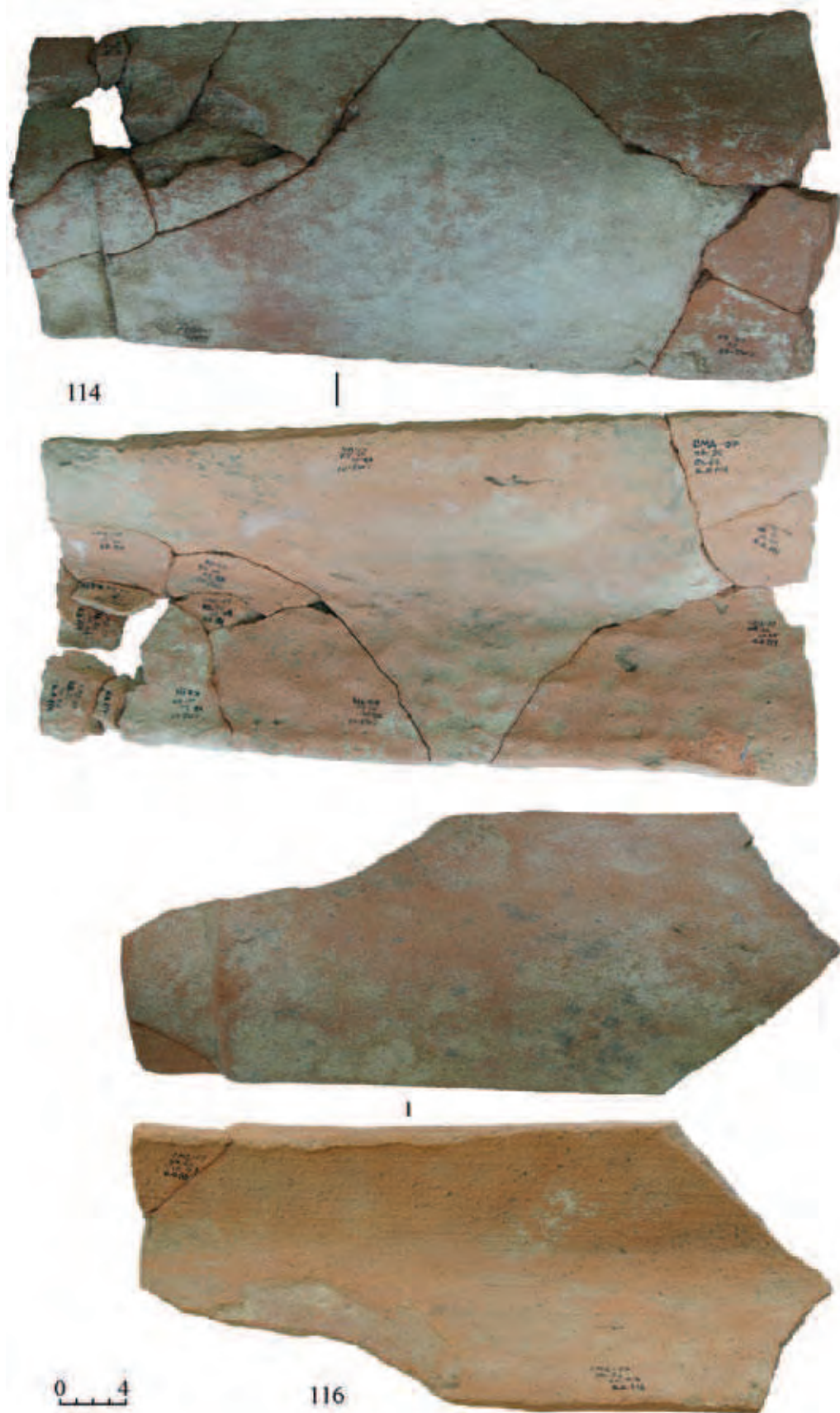

Рис. 3.22. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (116) и тип 3 (114), слой № 6-1.
Fig. 3.22. Church on the Tuzluk hill. Kalyptrae, type 2 (116) and type 3 (114), layer no 6-1.

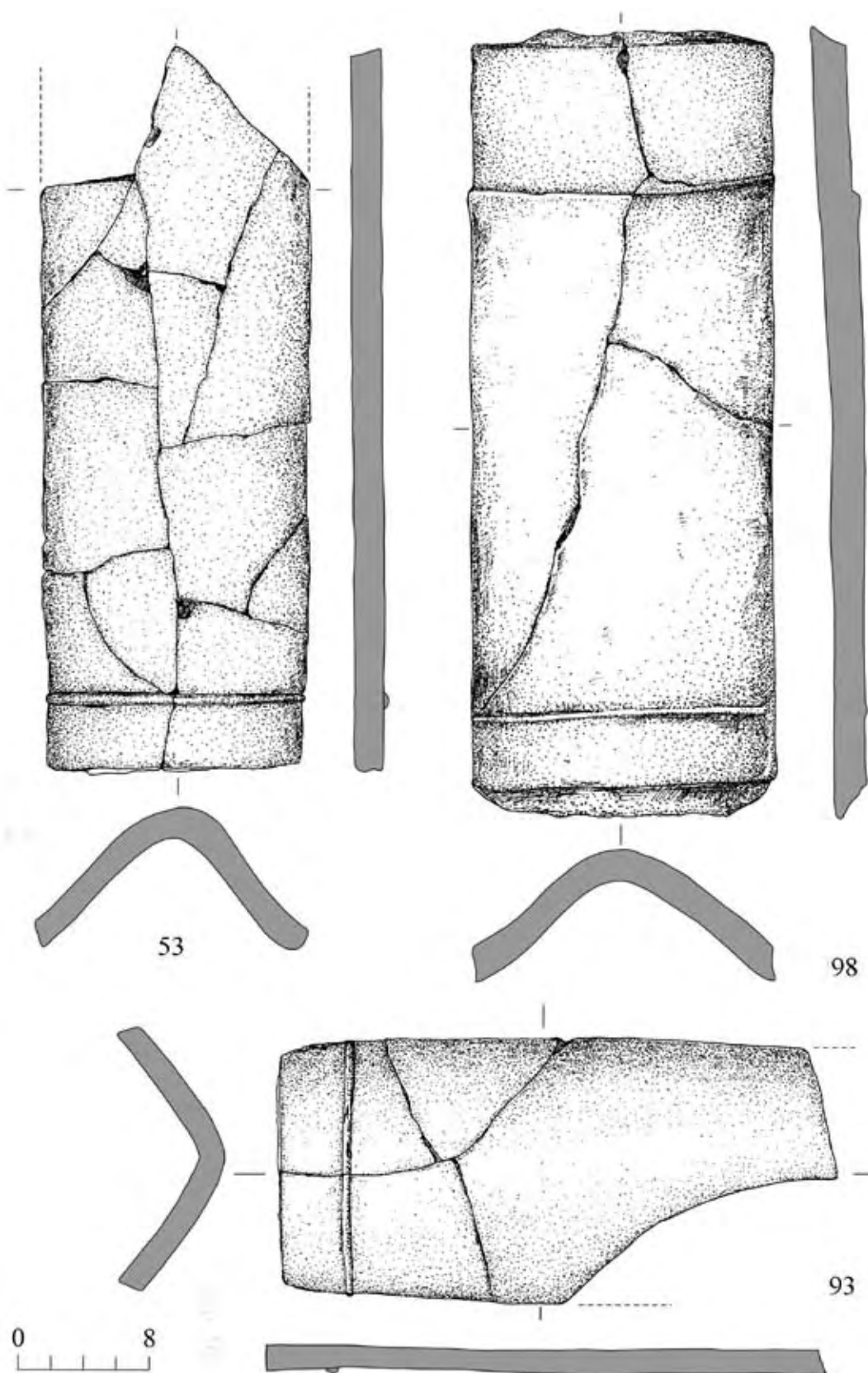

Рис. 3.23. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 4 (93?, 98) и тип 5 (53).
 53 – слой № 4; 93, 98 – слой № 6.
 Fig. 3.23. Church on the Tuzluk hill. Kalyptrae, type 4 (93?, 98) and type 5 (53).
 53 – layer no 4; 93, 98 – layer no 6.

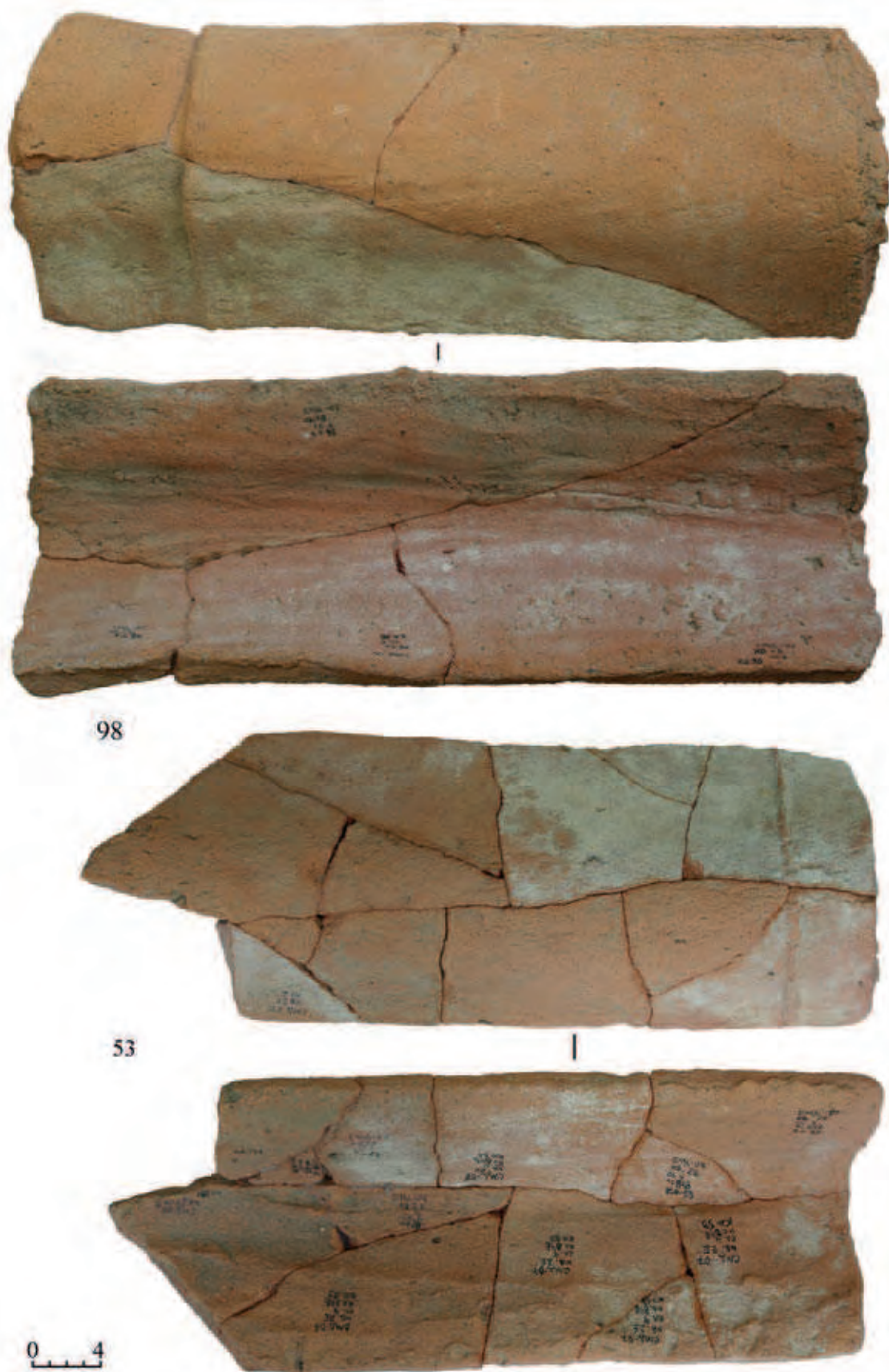

Рис. 3.24. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 4 (98) и тип 5 (53). 53 – слой № 4; 98 – слой № 6.
Fig. 3.24. Church on the Tuzluk hill. Kalyptry, type 4 (98) and type 5 (53). 53 – layer no 4; 98 – layer no 6.

Рис. 3.25. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип 2 (51, 55?) и тип 4 (93?). 51, 55 – слой № 4; 93 – слой № 6.
Fig. 3.25. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, type 2 (51, 55?) and type 4 (93?). 51, 55 – layer no 4; 93 – layer no 6.

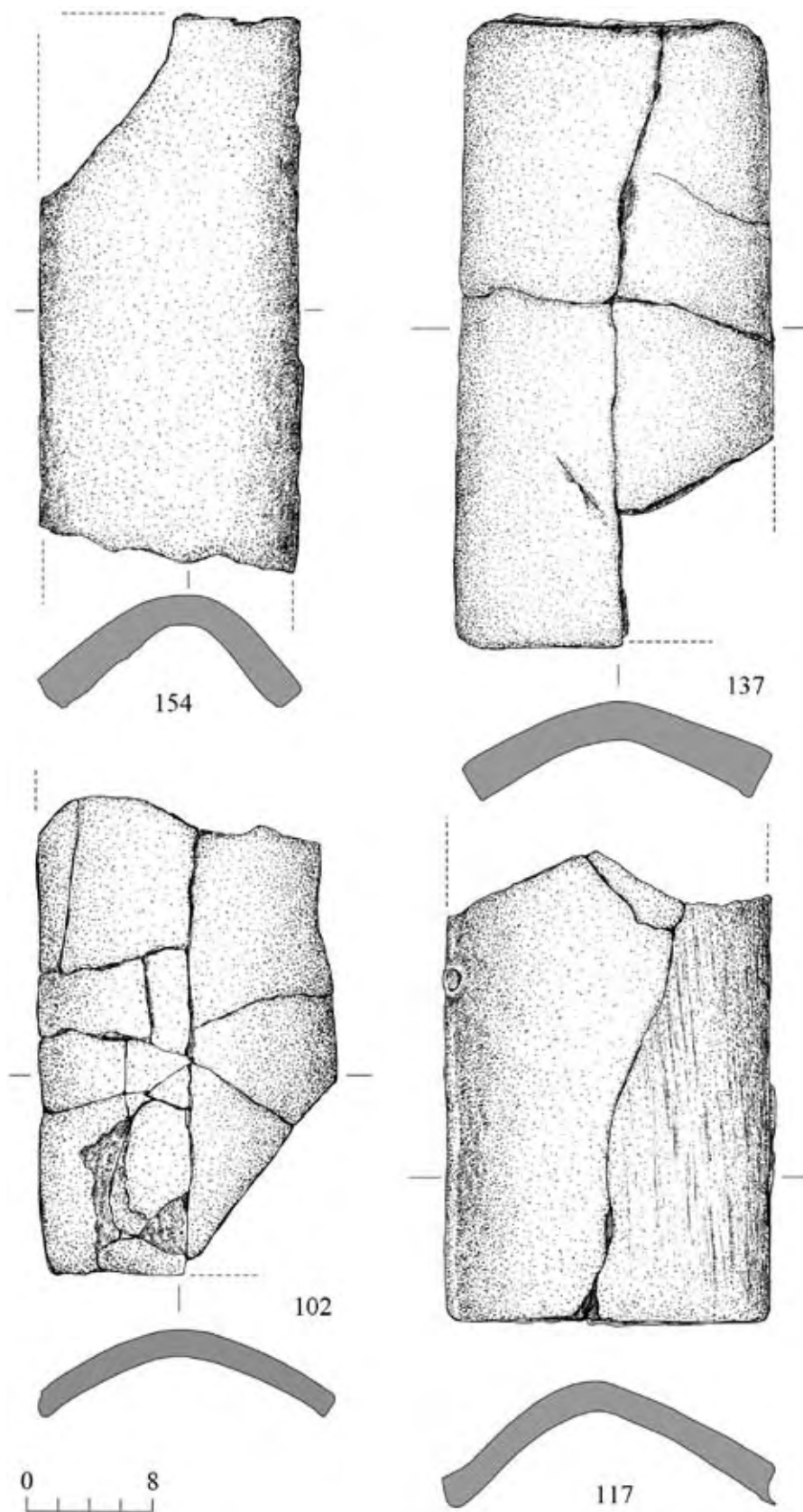

Рис. 3.26. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип не определен.
 102 – слой № 6; 117 – слой № 6-1; 137 – слой №№ 12а и 14; 154 – подъемный материал.
 Fig. 3.26. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type.
 102 – layer no 6; 117 – layer no 6-1; 137 – layers nos 12a and 14; 154 – stray find.

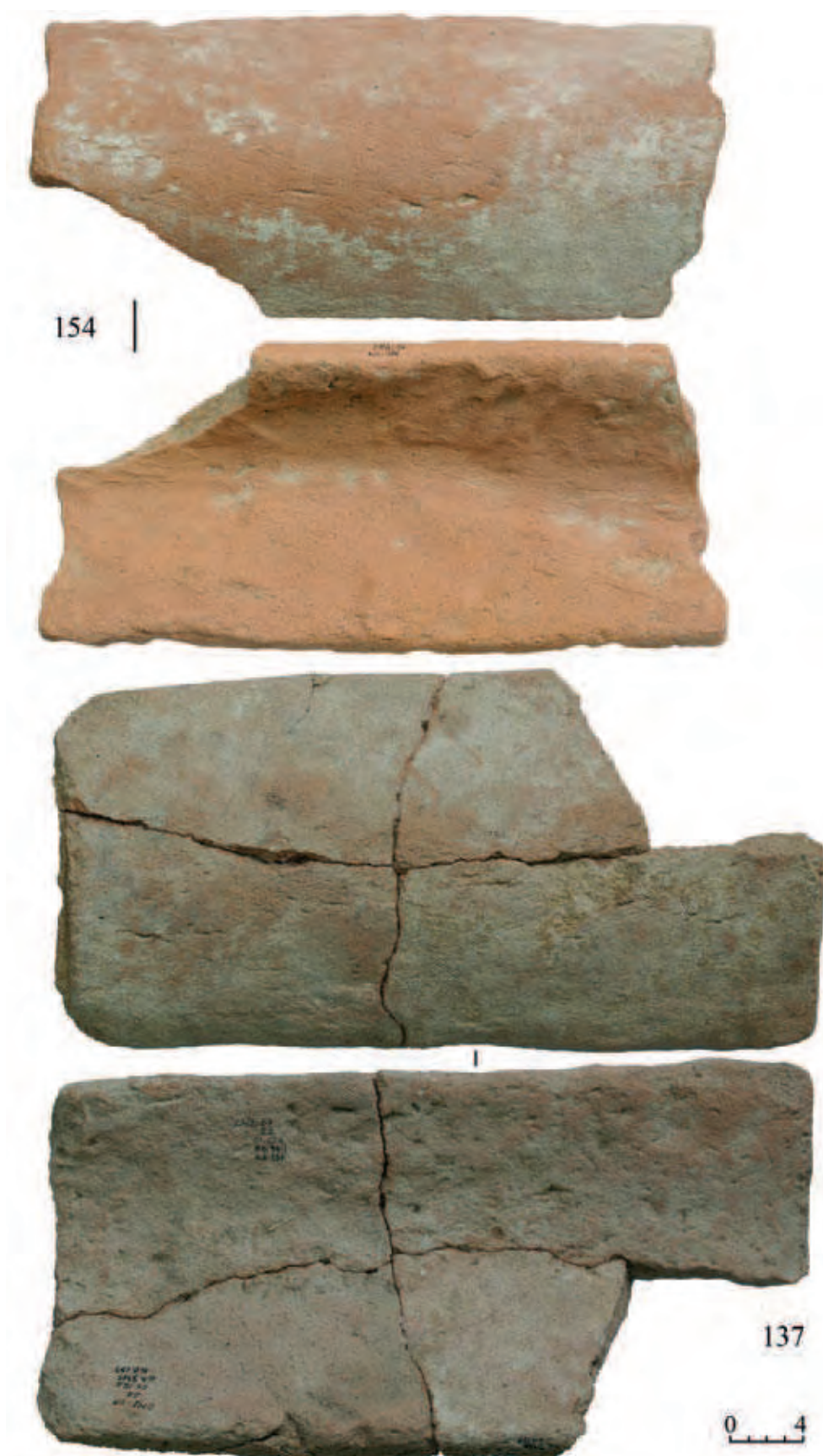

Рис. 3.27. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип не определён. 137 – слои №№ 12а и 14; 154 – подъёмный материал.
Fig. 3.27. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type. 137 – layers nos 12a and 14; 154 – stray find.

– середины XI в. (Науменко 2009а: 43-47). При этом А.В. Сазанов и В.Н. Чхаидзе предлагают хронологию типов, выделенных исключительно на основании близости форм, без привлечения иных данных, которые могли бы свидетельствовать о времени и обстоятельствах их изготовления. В результате в одну классификационную единицу объединяются сосуды различного происхождения.

Попытки датировать амфоры на основе вариантов конфигурации профиля, а также длинные типолого-хронологические ряды, основанные на минимальном, явно недостаточном, количестве учтенных экземпляров, выглядят достаточно искусственно (см. напр.: Сазанов 2001: 240-245, рис. 11-13).

В.Е. Науменко рассматривает амфоры, производившиеся только в гончарных центрах Таврики, привлекая для построения их хронологии широкий круг археологических комплексов, исследованных как в Крыму, так и за его пределами (Науменко 2009а: 43-47). Исследователем проведён добротный анализ имеющихся на сегодняшний день данных, однако сделанные автором выводы относительно хронологии бытования типа все же требуют дополнительных комментариев, связанных с качеством исходного археологического материала и методологического подхода к хронологии типов вообще.

В частности, верхняя дата «желобчатых» амфор местного производства – середина XI в. – определена исследователем на основании находок таких сосудов в «третьем слое» «строительного сброса» на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) (Герцен *и др.* 2006: 392-409) и при раскопках усадьбы наделя № 32 на правом берегу Камышовой бухты на Гераклеяском полуострове (Яшаева 1999: 352-356). Однако насколько возможно использовать материалы, происходящие с этих памятников, для детальных хронологических построений?

Так называемые «строительные сбросы» представляют собой отложения, образовавшиеся за относительно короткий промежуток времени в процессе намеренного перемещения ранее сформировавшихся комплексов. Они показывают наличие в слоях тех или иных артефактов на момент их перемещения, не более того. Судя по находкам амфор с внутренней бугристой поверхностью в «третьем слое» Тешкли-Бурун (Мангуп) (Герцен *и др.* 2006: 409-409), сброс некой группы седиментов на юго-восточный склон мыса произошел не ранее XIII в. Основная масса находок из слоя датируется в рамках IX–XI вв. (Герцен *и др.* 2006: 293-409), что также слишком широко для того, чтобы считать его хронологически однородным. Скорее всего, здесь располагаются остатки различных перемещённых отложений относительно широкого временного диапазона. Учитывая указанные обстоятельства, использовать материал из «третьего слоя» для уточнения датировок присутствующих в нем артефактов стоит достаточно осторожно.

Сомнительна также хронологическая однородность слоев на месте усадьбы, исследованной на Гераклеяском

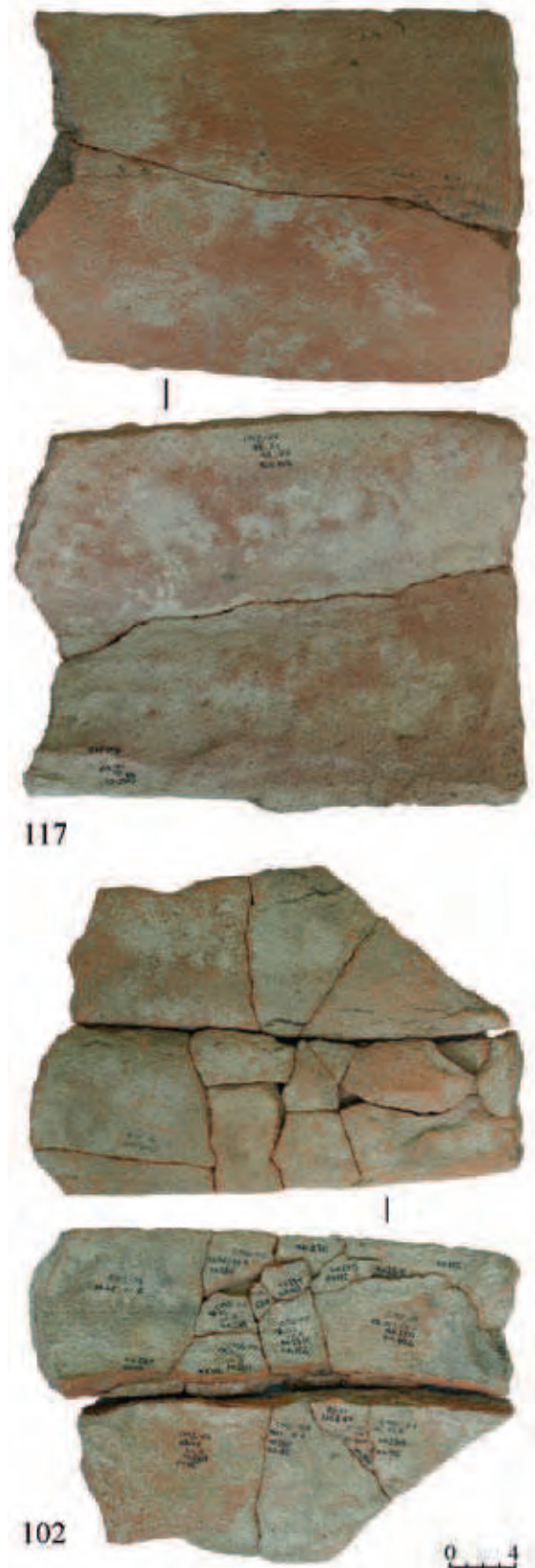

Рис. 3.28. Храм на холме Тузлук. Калиптеры, тип не определён. 102 – слой № 6; 117 – слой № 6-1.
Fig. 3.28. Church on the Tuzluk hill. Kalypters, indeterminate type. 102 – layer no 6; 117 – layer no 6-1.

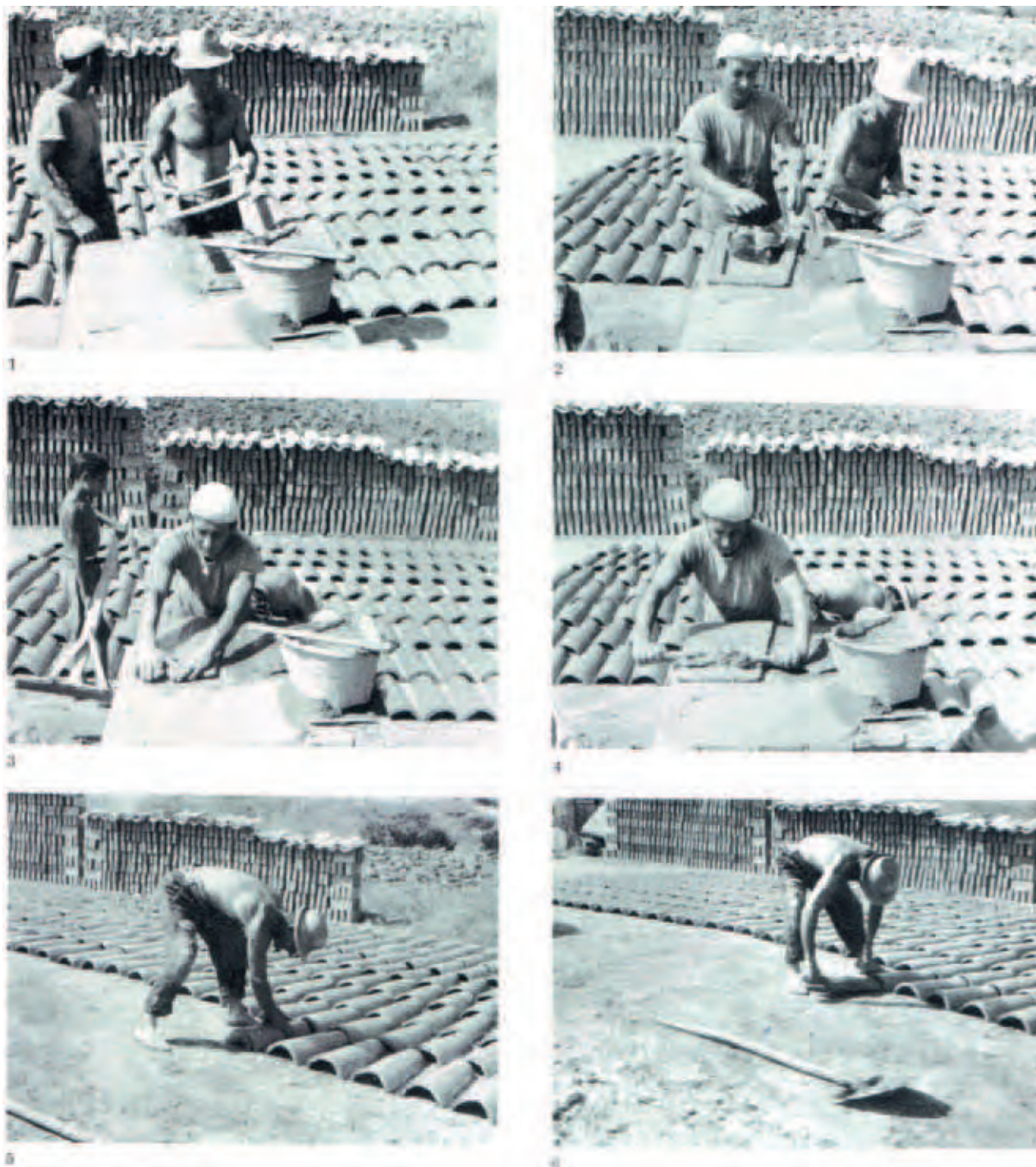

Рис. 3.29. Процесс изготовления калиптеров в коммуне Минтурно, регион Лацио, Южная Италия
(по: Hampe, Winter 1965: Taf. 15).

Fig. 3.29. Manufacturing of tiles in the Minturno municipality, Lazio, Southern Italy.

полуострове. Руководитель археологических исследований Т.Ю. Яшаева на основании анализа массового керамического материала склонна датировать возникновение комплекса временем не ранее второй половины IX в., а его гибель – первой половиной X в. (Яшаева 1999: 352, 355). Однако «находки трех монет с монограммой «ро» (две – первой половины XI в. [Роман III], третья – второй половины XI в. [Роман IV]) и амфоры Ганоса отодвига-

ют дату гибели комплекса до XI в.» (Яшаева 1999: 355). Исследовательница затем отмечает: «не исключено, конечно, что указанный материал является «примесью сверху», так как трудно гарантировать «чистоту слоя» в этом районе Гераклейского полуострова» (Яшаева 1999: 356). Поскольку детальная стратиграфия памятника не отражена в публикации, а послойный анализ керамических находок отсутствует, то использовать керамиче-

Рис. 3.30. Процесс изготовления калиптеров в г. Сегеста, Сицилия (по: Hampe, Winter 1965: Taf. 42).

Fig. 3.30. Manufacturing of tiles in Segesta, Sicily.

ские материалы этой усадьбы в качестве эталонных для определения верхней даты найденной здесь керамики было бы преждевременно, что отмечалось и другими исследователями (Нидзельницкая 2009: 280). Другие данные, привлеченные В.Е. Науменко для подтверждения использования «причерноморских» амфор в Херсонесе и в Керчи в X–XI вв. и вплоть до XII в., также нуждаются в дополнительном анализе (Науменко 2009а: 45–46). Например, для Херсонеса исследователь ссылается на

публикации материалов из раскопок цистерн №№ 3 и 5, расположенных во дворе дома в квартале X «б» Северного района городища (Рыжов, Седикова 1999), комплекса начала XI в. (Сазанов 2001) и цистерны жилого дома в квартале VII, засыпанной в конце XI – начале XII в. (Нессель 2006). Однако С.Г. Рыжов и Л.В. Седикова отмечают значительное количество местных «причерноморок» только в засыпи цистерны № 5, которую они датируют первой половиной X в. (Рыжов, Седикова 1999: 312–315,

325). На втором же объекте, отнесенном авторами ко второй половине X в., упомянуты только импортные амфоры (Рыжов, Седикова 1999: 325-326). Комплекс, публикуемый А.В. Сазановым, включал всего 7 профильных частей от 5 амфор (Сазанов 2001: 230, 240), а коллекция керамики из цистерны во дворе жилого дома в квартале VII содержала 2% желобчатых «причерноморок» (Несель 2006: 97). Такая статистика свидетельствует, скорее, о практически полном выходе из обращения в этот период амфор местного производства, нежели о продолжении их бытования. В Керчи в слоях с материалом XI–XII вв. эти сосуды также стоит рассматривать как естественную «примесь снизу», что для многослойных памятников оказывается вполне обычным явлением, но не как признак «долголетия» функционирования этой формы. Таким образом, ни один из приведённых В.Е. Науменко аргументов не может быть признан исчерпывающим для омоложения верхней даты желобчатых «причерноморок» до середины XI в.

Что касается методологического подхода сторонников «длинной» хронологии причерноморских амфор, то эти исследователи обычно при определении верхней границы их использования учитывают весь возможный период бытования сосудов. Однако это не совсем верно с точки зрения использования древних артефактов для датировки археологических объектов. Верхняя хронологическая граница бытования археологических предметов подразумевает как минимум два рубежа: первый – прекращение их производства, второй – последующий период выхода этих предметов из употребления. Установление датировки этих рубежей представляется крайне важным. Первая дата имеет значение при использовании артефактов в качестве хронологических индикаторов (ХИ), вторая – для определения продолжительности бытования тех или иных сосудов после прекращения их производства. Вторую из этих дат не стоит использовать как ХИ для установления хронологии контекстов, в которых обнаружены интересующие нас артефакты. Сторонники «длинной» хронологии принимают в расчет весь период бытования амфор, не подразделяя его на этапы, рубежом которых служит прекращение производства.

В то же время, сторонники «короткой» хронологии, определяя временные границы бытования «желобчатых» амфор рамками IX – первой половины X в., сосредотачиваются преимущественно на времени их изготовления (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 77; Майко 2000: 102-103). При этом практически ни у кого из исследователей не вызывает возражений тезис о наиболее широком распространении этих сосудов примерно с середины IX до середины X в. (обзор работ см.: Науменко 2009а: 35-46). Находки амфор первой половины IX в. известны в материалах раскопок правобережного Цимлянского городища (Цимлянский район, Ростовская область, Россия) (Флеров 1994: 485-487). Более ранние экземпляры происходят из могильника у с. Лучистое близ Алушты. Здесь, в одном из погребальных комплексов

(№ 250), отнесенном авторами к одиннадцатой хронологической группе (вторая половина VIII в.), найдено три желобчатых «причерноморки» (Айбабин, Хайрединова 2008: 63, 67, рис. 32)¹². Однако следует отметить, что многие находки из погребений этой хронологической группы датируются более широко (Айбабин, Хайрединова 2008: 63-67), что не исключает и более широкую хронологию отдельных комплексов, включенных в эту группу. Не исключено также, что «желобчатые» амфоры появляются в Южном Крыму раньше, чем в других регионах. Так, например, в одном из главных городов Юго-Западного Крыма – Херсонесе, эти амфоры зафиксированы лишь в комплексах, начиная с середины IX в. и позднее (Седикова 1997: 11-13; Рыжов, Седикова 1999: 313-315)¹³. Подобная тенденция, связанная с преобладанием желобчатых «причерноморок» в комплексах и объектах середины – второй половины IX в., и их малочисленность в период первой половины этого столетия отмечены на материалах Тепсения и Судака (Баранов, Майко 2000: 86; Майко 2000: 102-103; 2004: 184-185; 2009: 264-271).

Вполне естественно, что появление и распространение гончарной традиции, а тем более массового производства, налаженного в таких грандиозных масштабах, как в Таврике¹⁴, – не единовременная акция, а длительный процесс, у которого в пределах Крымского полуострова была определённая хронологическая и географическая специфика. Следует признать, что в каких-то районах производство могло начаться раньше, а в каких-то – позже. Вполне вероятны локальные и хронологические различия в ассортименте продукции. В настоящее время в распоряжении исследователей слишком мало узко датированных комплексов и качественно раскопанных гончарных центров для детального изучения этой темы.

Вероятно, прекращение функционирования большинства гончарных мастерских, а соответственно и поступления на рынок их продукции, относится ко времени не позднее первой половины X в. По крайней мере, в этот период подавляющее большинство сельских поселений в Юго-Западной, Южной и Юго-Восточной Таврике, с которыми были связаны гончарные центры, перестают существовать (см. напр.: Якобсон 1970; Науменко 1997; Майко 2005; Новиченкова 2002)¹⁵. Затухает

¹² Не совсем ясно, почему в сводной хронологической таблице артефактов из могил одиннадцатой и двенадцатой групп две из трёх «желобчатых» амфор помещены в ячейку с материалом IX в. (Айбабин, Хайрединова 2008: 66, рис. 32).

¹³ В обобщающей классификации 1995 г. один из вариантов «желобчатых» амфор, также, вероятно, местного производства (класс 38), отнесен к первой половине IX в. (Романчук *и др.* 1995: 61).

¹⁴ Общий обзор гончарных центров см.: Паршина *и др.* 2001.

¹⁵ В последнем случае автор датирует исследованную ею усадьбу в районе пос. Ливадия VIII – серединой IX в. Однако наличие в культурных отложениях, связанных с функционированием усадьбы, высокогорных кувшинов с широкими плоскими ручками (Новиченкова 2002: 7) свидетельствует о том, что усадьба прекратила свое существование не ранее середины IX в.

жизнь и на «салтово-маяцких» поселениях Керченского полуострова (см. напр.: Зинько, Пономарев 2000: 186-191; 2005; 2007; 2009), потреблявших их продукцию¹⁶. В то же время, в культурных отложениях городищ (Судак, Алустан, Партенит) с середины – второй половины X в. преобладают иные группы амфор, преимущественно импортных (Баранов, Майко 2000: 86; Майко 2002: 55 2012а: 13-14; Паршина 2002а: 97), что может служить дополнительным указанием на отсутствие местного производства транспортировочной тары. Итак, на основании собранных сведений, «желобчатые» причерноморские амфоры местного производства можно датировать в целом в рамках второй половины (конца?) VIII – первой половины (первой трети?) X в.

Нельзя исключать, что изготовление желобчатых «причерноморок» после массового запустения сельских поселений могло некоторое время продолжаться в гончарных мастерских, связанных с крупными городскими центрами, например, в Херсонесе, окрестностях Мангупа и др. Но эта тема требует, безусловно, дальнейшего исследования.

В завершение характеристики первого типа амфор хотелось бы еще раз отметить, что датирующее значение для памятников, на которых эти амфоры преобладают или встречаются как наиболее «поздние» находки, имеет хронология периода их производства, то есть время, когда такие сосуды в полной мере являлись специфическим элементом местной материальной культуры.

Допустимо считать, что достаточно длительный процесс прекращения бытования некоторых артефактов и их превращение в «раритеты» оставлял за собой определённый «хронологический шлейф». Такое явление прослеживается на некоторых памятниках, характеризующихся долгой традицией существования или формирования. К ним может быть отнесена уже упоминавшаяся усадьба на Гераклеяском полуострове, а также различные перемищённые слои и отложения длительного накопления на многослойных памятниках (Мангуп, Херсонес, Керчь и др.). Подобного рода запаздывающие «раритеты», представляющие финальную стадию бытования группы вещей или переотложенный мусор, не могут иметь определяющего значения для датировки контекстов, в которых они обнаружены. Справедливо и обратное – многослойные памятники и объекты с длительной традицией бытования не всегда способны дать надёжную информацию о хронологии конкретной группы керамики.

Второй и третий типы амфор из церкви у с. Семидворье на других памятниках Таврики встречаются значительно реже¹⁷. Профилировка горла реберчатым

выступом характерна для амфор типа XV по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 89-100), класса 30 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 56, таб. 25, 26). Наибольшее число находок сосудов зафиксировано на территории Херсонеса и его ближайших окрестностей: в засыпи городского водохранилища у 13-й куртины первой половины IX в. (Седикова 1995: 171, рис. 1:2), в засыпи цистерны № 5 в северном районе городища первой половины X в. (Рыжов, Седикова 1999: 315, рис. 3: 6), в материалах с места кораблекрушения близ Учкучевки (Гинькут 2002: 25, рис. II: 1-2). Подобные амфоры известны как продукция гончарного центра в урочище Суат близ Ялты и датируются автором раскопок первой половиной VIII в. (Баранов 1979: 116-117, рис. 3: 7). Они также найдены в слое второй половины – конца IX в. на раннесредневековом поселении у подножья Мангупа (Науменко 1997: 322-333, рис. 3: 1), в «слое функционирования» здания № 2 (конец IX – начало X в.) в районе церкви св. Константина на Мангупе (Герцен *и др.* 2010: 254, рис. 17: 9), в заполнении закрытого комплекса (помещения Б), возникшего на участке куртины XV Судакской крепости (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5), на салтовском поселении Героевка-2 на Боспоре (Зинько, Пономарев 1999: 196, рис. 2: 3).

Находки вогнутых амфорных днищ также довольно редки и географически разрознены. Они известны на Мангупе в комплексе, датированном около середины IX в. (Герцен *и др.* 2010: 261, рис. 21: 9), в Судаке и на Тепсене (Майко 2000: 103; 2004, 184; Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5), на поселениях Керченского полуострова VIII–IX вв. (Зинько, Пономарев 1999: рис. 2: 18; 2005: 238, рис. 3: 22). Такие днища довольно сложно точно соотносить с какими-то конкретными верхними частями сосудов. В этой связи в ряду приведённых аналогий особый интерес представляет амфора из Судака. Это сосуд безусловно местного производства, с примесью значительного количества шамота в тесте. Форма изделия полностью реконструирована. У него, как и у аналогичных амфор из церкви у с. Семидворье, имеется вогнутое дно (Баранов, Майко 1996: 86, рис. 2: 5). Следует также отметить, что большинство среднегабаритной керамической тары, обнаруженной в помещении Б на участке куртины XV Судакской крепости представлено желобчатыми «причерноморками», амфоры с мелким зональным рифлением (МЗР) отсутствуют вообще (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2). Нижняя дата помещения определяется по находкам белоглиняной поливной керамики византийского производства и высокогорлых кувшинов с широкими плоскими ручками временем не ранее середины IX в.

Подводя итог обзору амфорной тары из раскопок храма, хотелось бы обратить внимание на важное обстоятельство: среди 439 обломков амфор, найденных при раскопках храма, не выявлено ни одного фрагмента, который можно было бы отнести к импортным амфорам византийского круга с мелким зональным рифлением (МЗР), известным как тип Late Roman 2

¹⁶ Есть мнение, что поселения на Керченском полуострове прекращают функционировать не позднее второй половины IX в. (Могаричев *и др.* 2007: 145-155). Такая датировка предложена на основании корреляции керамических находок, но как неоднократно отмечалось, керамические комплексы второй половины – конца IX и начала X в. на настоящем этапе исследования разграничить довольно сложно.

¹⁷ Нам неизвестны находки амфор этих типов за пределами полуострова.

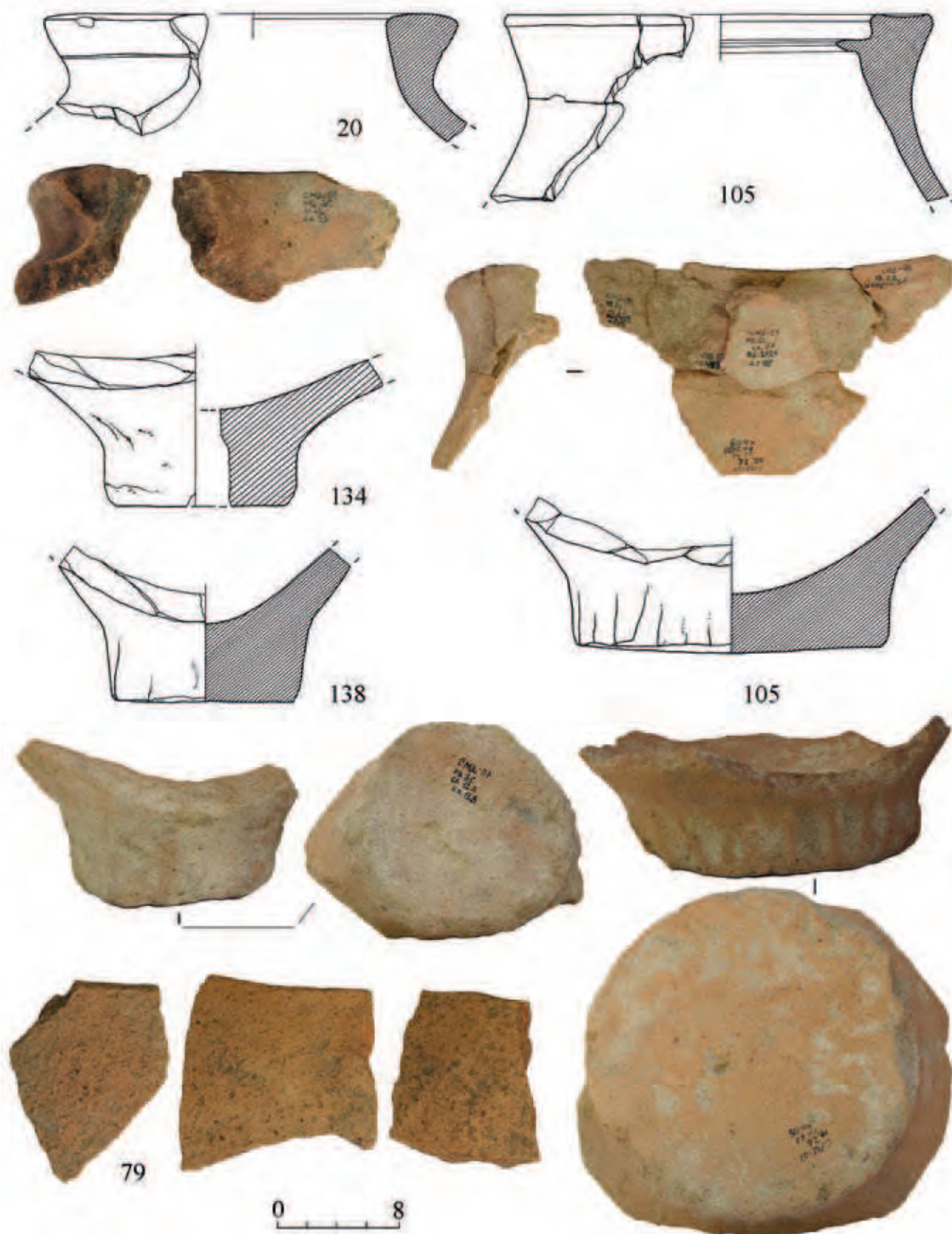

Рис. 3.31. Храм на холме Тузлук. Фрагменты пифосов и «воронки».
 20 – слой № 2; 79 – слои №№ 4, 6, 7б, 12; 105 – слой № 6-2; 134 – слой № 12; 138 – слой № 12а.
 Fig. 3.31. Church on the Tuzluk hill. Fragments of pithoi and cones-“funnel”.
 20 – layer no 2; 79 – layers nos 4, 6, 7b; 105 – layer no 6-2; 134 – layer no 12; 138 – layer no 12a.

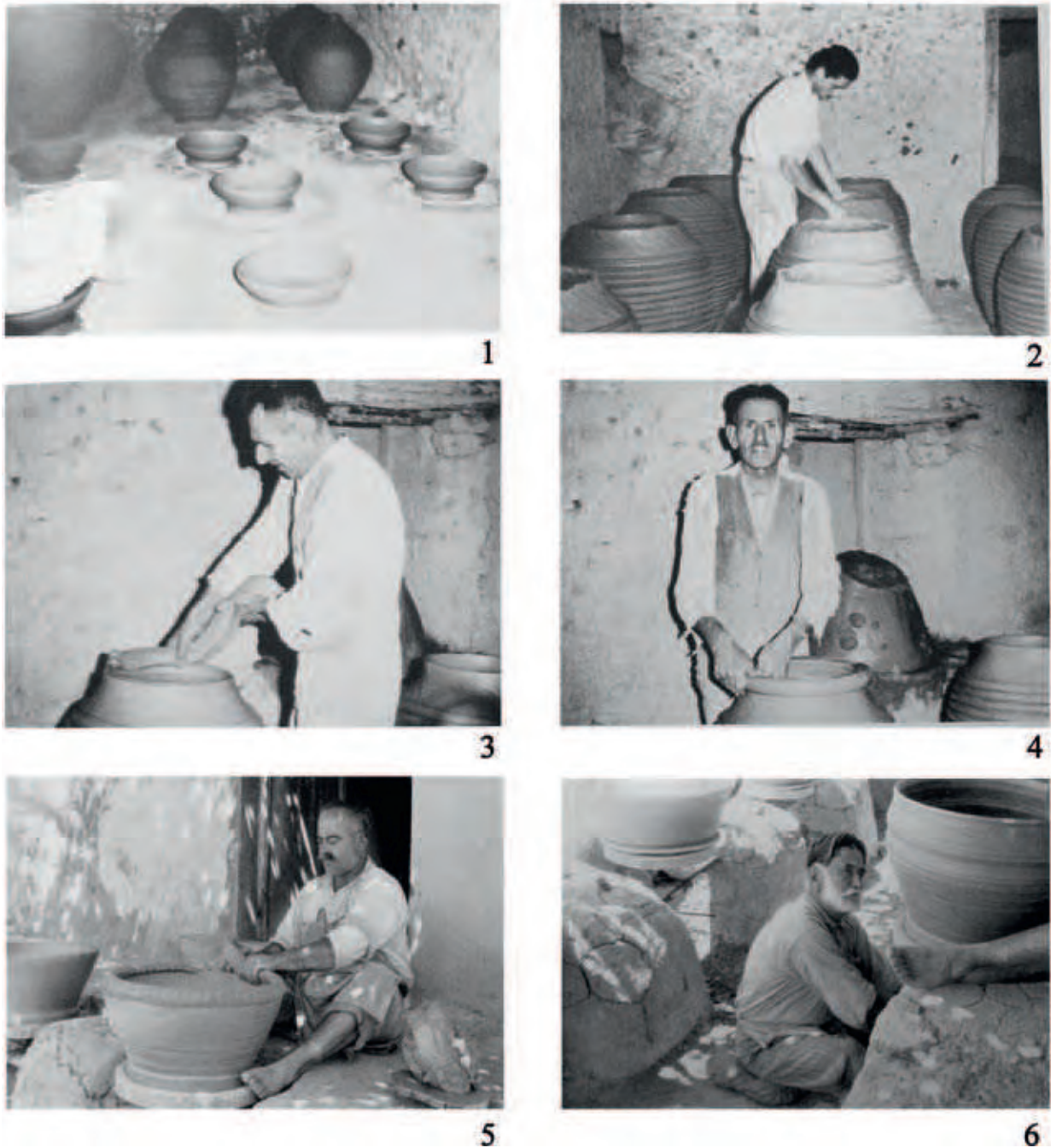

Рис. 3.32. Способы формовки пифосов: 1-4 – без использования гончарного круга, Мессения, юго-западный Пелопоннес, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 19); 5, 6 – на гончарном круге, о-в Крит, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 17).
 Fig. 3.32. Manufacturing of pithoi: 1-4 – without using potter's wheel, Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960; 5, 6 – with potter's wheel, Crete Island, 1960.

(LRA-2) (см. напр.: Sciallano, Sibella 1991: 106-107; Нидзельницкая 2009) или их подражаниям, произведённым в Таврике (первый вариант «причерноморского» типа по А.Л. Якобсону, тип XIV по ХК-71, класс 24 по ХК-95 [Якобсон 1970: 39; Антонова *и др.* 1971: 88-89; Романчук *и др.* 1995: 50-52]). Стоит отметить, что одновременно на близлежащем поселении и территории местного гончарного центра фрагменты местных подражаний импортным амфорам все же встречаются (Лысенко, Тесленко 2012: 110-114,

рис. 3: 2; 6: 9). По наблюдениям большинства исследователей, уделявших внимание проблеме изучения местных «причерноморских» амфор и их прототипов, периоды максимального распространения различных вариаций сосудов с мелким зональным рифлением и желобчатой поверхностью не совпадают. Например, Л.Ю. Нидзельницкая, на основании анализа коллекций амфор с линейно-зональным орнаментом из музеев Ростовской области с привлечением широкого круга материалов раскопок различных синхронных

1

2

Рис. 3.33. Горны для обжига пифосов в Мессении, юго-западный Пелопоннес, 1960 г. (по: Hampe, Winter 1962: Taf. 20, 21).
Fig. 3.33. Kilns for firing of pithoi in Messenia, southwestern part of the Peloponnese, 1960.

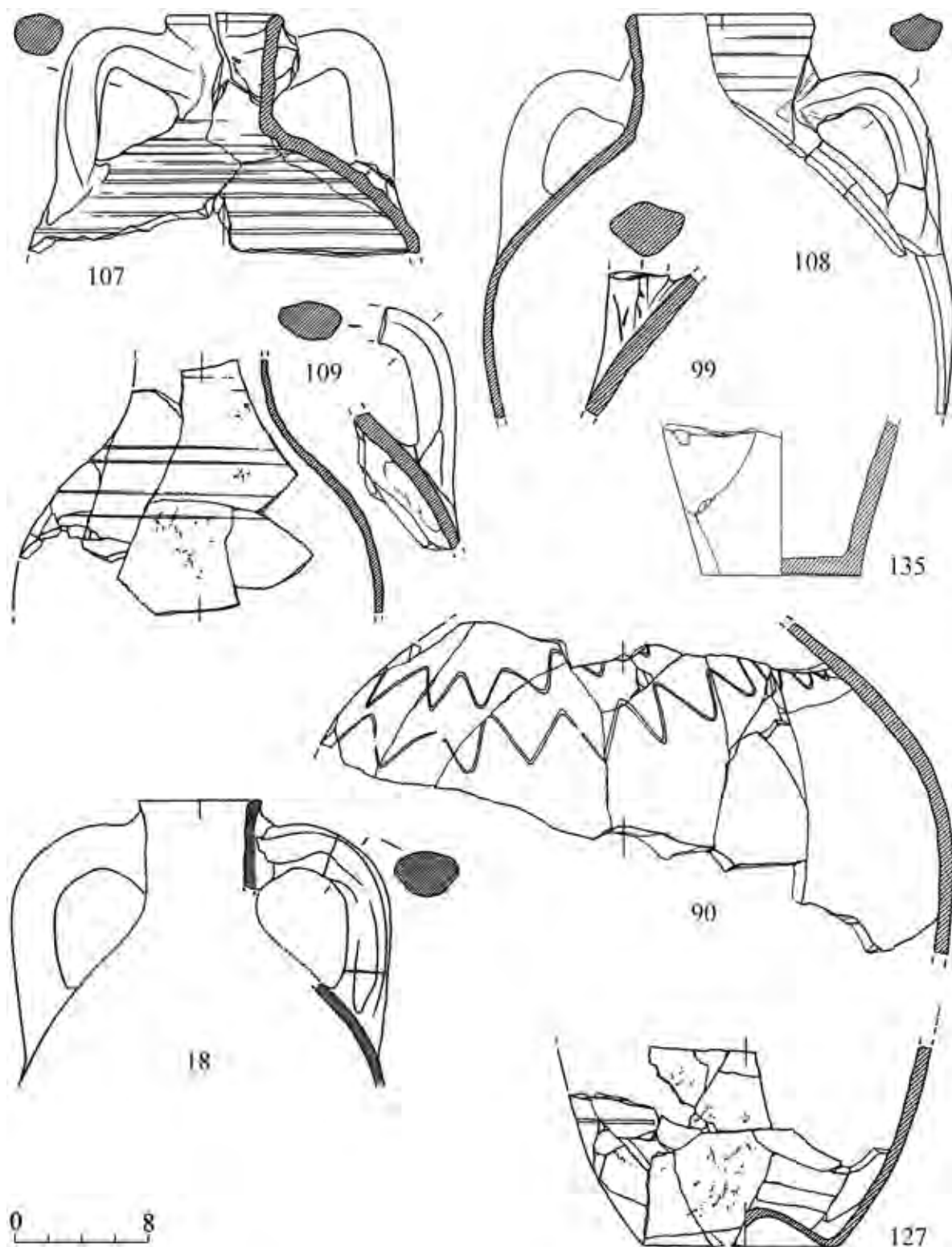

Рис. 3.34. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа» и донной части высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (135).

18 – слои №№ 2 и 76; 90 – слои №№ 6, 6-2, 76; 99 – слой № 6; 107, 108, 109 – слой № 6-2;
127 – слои №№ 6, 76, 7-2, 18 (могила № 1); 135 – слой № 12, нижняя часть.

Fig. 3.34. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora and bottom of high neck jag with wide flat handles (135).

18 – layers nos 2 and 76; 90 – layers nos 6, 6-2; 99 – layer no 6; 107, 108, 109 – layer no 6-2;
127 – layers nos 6, 76, 7-2, 18 (Grave no 1); 135 – layer no 12, low part.

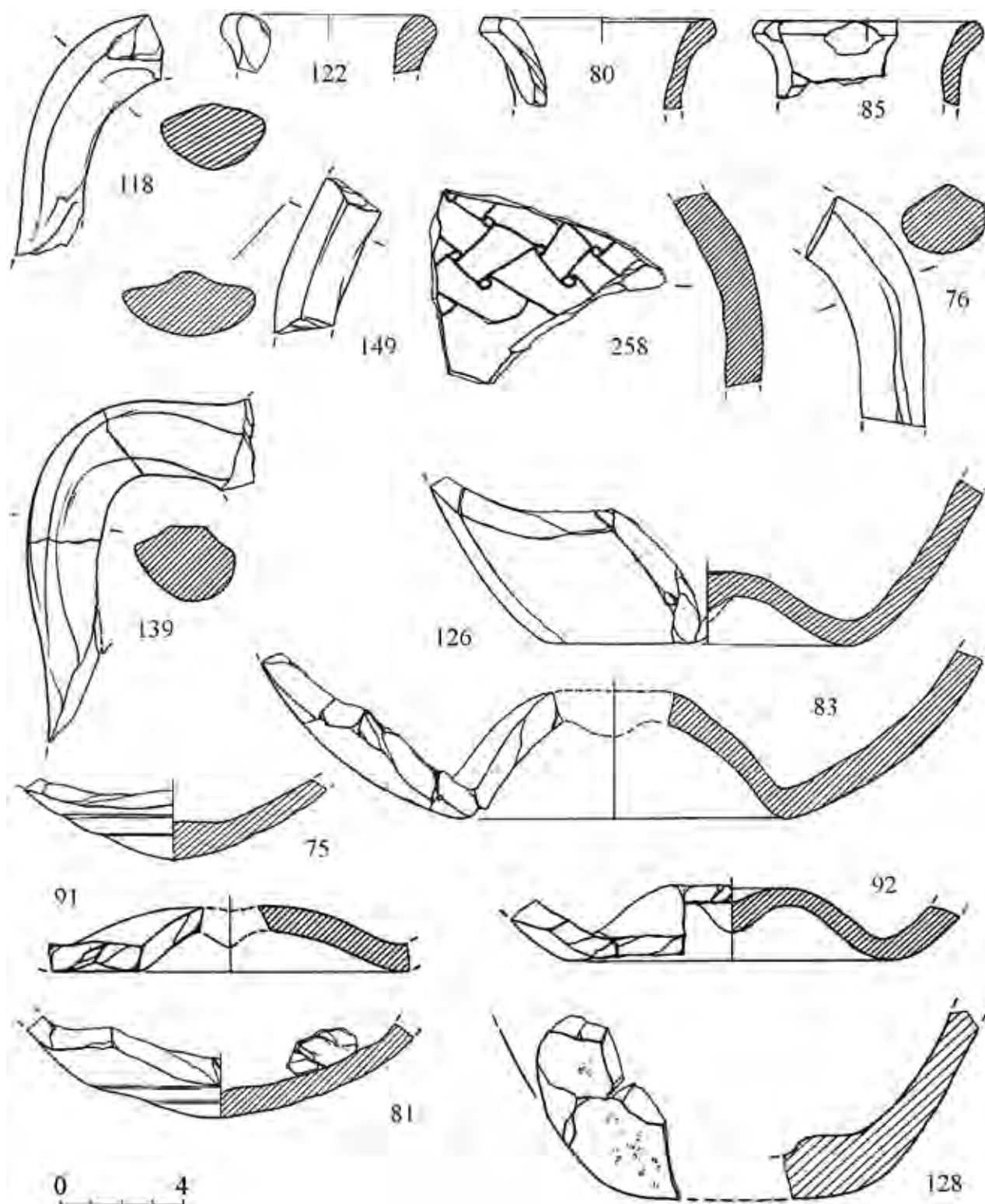

Рис. 3.35. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа».

75 – слой № 6; 76, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 126, 128, 258 – слой № 76; 118 – слой № 6-1; 122 – слой № 7; 139 – слой № 12а; 149 – слой № 18 (могила № 1).

Fig. 3.35. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora.

75 – layer no 6; 76, 80, 81, 83, 85, 91, 92, 126, 128, 258 – layer no 76; 118 – layer no 6-1; 122 – layer no 7; 139 – layer no 12a; 149 – layer no 18 (Grave no 1).

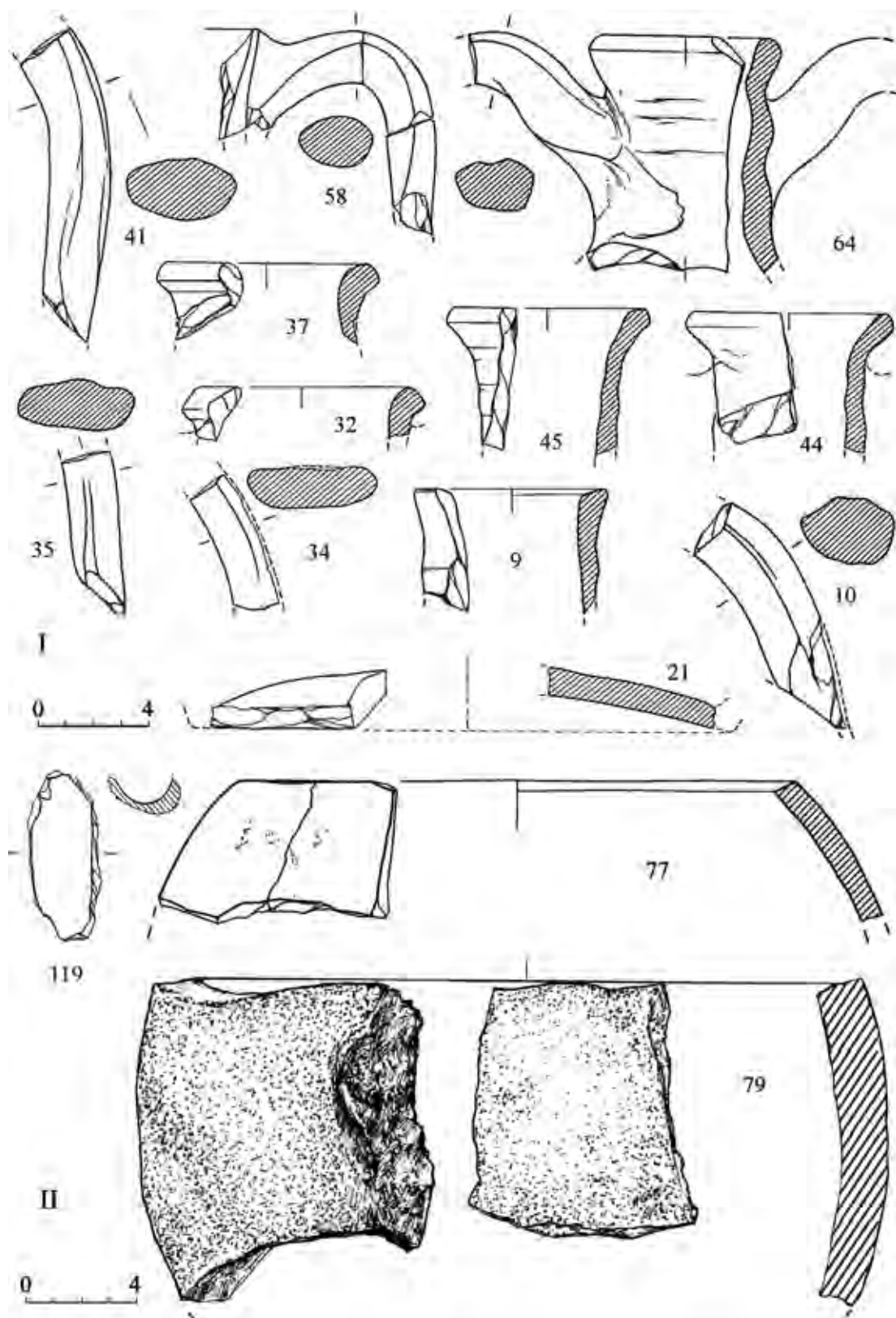

Рис. 3.36. Храм на холме Тузлук. I – фрагменты амфор «причерноморского типа» и фляги (21); II – обломки «воронок». 9, 10, 21 – слой № 2; 32, 34, 35 – слой № 2б; 37, 41, 44, 45, 58, 64 – слой № 4; 77 – слой № № 6 и 7б; 79 – слой № № 4, 6, 7б, 12; 119 – слой № 6-1.

Fig. 3.36. Church on the Tuzluk hill. I – fragments of “Black Sea type” amphora and a flask (21); II – fragments of cones-“funnels”. 9, 10, 21 – layer no 2; 32, 34, 35 – layer no 2б; 37, 41, 44, 45, 58, 64 – layer no 4; 77 – layers nos 6, 7б; 79 – layers nos 4, 6, 7б, 12; 119 – layer no 6-1.

Рис. 3.37. Храм на холме Тузлук. Фрагменты амфор «причерноморского типа» и донной части высокогорлого кувшина с широкими плоскими ручками (135).

58, 64 – слой № 4; 81, 83, 258 – слой № 7б; 90 – слои №№ 6, 6-2, 7б; 107, 108, 109 – слой № 6-2; 127 – слои №№ 6, 7б, 7-2, 18 (могила №1); 135 – слой № 12.

Fig. 3.37. Church on the Tuzluk hill. Fragments of “Black Sea type” amphora and bottom of the high neck jag with wide flat handles (135).

58, 64 – layer no 4; 81, 83, 258 – layer no 7б; 90 – layers nos 6, 6-2, 7б; 107, 108, 109 – layer no 6-2; 127 – layers nos 6, 7б, 7-2, 18 (Grave no 1); 135 – layer no 12.

памятников, приходит к выводу, что уже к началу IX в. выпуск этих амфор в мастерских Восточно-Римской империи, а также сопредельных, подверженных византийскому влиянию областях, значительно сократился (Нидзельницкая 2009: 280). Раскопки крупного поселения в среднем течении Северского Донца, возникшего у западных окраин Хазарского каганата, также подтверждают это предположение. Здесь амфоры с мелким зональным рифлением фиксируются только в самых ранних слоях (Кравченко 2011: 71). В Юго-Восточном Крыму и на Керченском полуострове эти тарные сосуды преобладали до середины IX в. (см. напр.: Баранов, Майко 1996; Майко 2000: 102-103; 2004: 184; 2012б; Пономарев 2003а: 268). Эти же сосуды составляют большинство амфорного материала в комплексах Херсонесского городища, образовавшихся не позднее первой половины IX в. (Романчук *и др.* 1995: 47; Седикова 1995: 170-171; Романчук, Седикова 1991: 42; Седикова 1997: 10-12). Таким образом, очевидно, что местные «причерноморки» с мелким зональным рифлением получили широкое распространение раньше, чем «желобчатые». Вполне вероятно, что их массовое производство в Таврике также было налажено раньше. Известно, по крайней мере, несколько мастерских и отдельных горнов в пределах гончарных центров, где отмечено изготовление амфор только этого типа (см. напр.: Баранов 1979; Паршина *и др.* 2001: 76-77)¹⁸. По находкам в датированных комплексах нижняя дата типа определяется временем не позднее первой половины(?) – середины VIII в. (Майко 2009: 266-270; 2012б; Приходнюк 2001: 65, рис. 24: 1, 2), при этом пик распространения подобных амфор приходится на первую половину IX в.¹⁹

Таким образом, исходя из анализа амфорного материала семидворского храма, можно с высокой долей вероятности предполагать, что памятник появился уже после того, как местные амфоры с мелким зональным рифлением вышли из широкого обращения, иначе трудно объяснить, почему члены местной общины не использовали в литургической практике и общинных трапезах именно этот тип сосудов. При этом другие два типа амфор местного производства (с желобчатым туловом, а также с «двухчастным» горлом и вогнутым днищем) продолжали синхронно использоваться. На-

ходки тарных сосудов в подобной комбинации, как уже упоминалось, известны в закрытом комплексе Судакской крепости, образовавшемся не ранее середины IX в. на участке куртины XV (Баранов, Майко 1996: 74-75, рис. 2: 5).

Один фрагмент стенки тыльной плоскости сосуда принадлежит *фляге* (баклаге) (рис. 3.36: 21). Черепок этого сосуда жёлто-красный, состав теста аналогичен амфорам причерноморского типа, найденным при раскопках храма – в формовочной массе отмечено значительное количество отошителя в виде мелкодробленого шамота и мелкой дресвы тёмно-коричневого цвета. В связи с этим практически не вызывает сомнения происхождение баклаги из одного из местных гончарных центров. Фляга изготовлена на гончарном круге, на её тыльной стороне видны следы срезания изделия с плоскости круга при помощи нити. Горло с двумя симметричными ручками обычно крепилось к боковой поверхности корпуса по его центральной оси. Лицевая поверхность могла быть украшена росписью красным ангобом или прочерченным геометрическим рисунком. Круг аналогий таким изделиям довольно широк. Они хорошо известны как на территории Крымского полуострова, так и на салтовомаяцких памятниках Прикубанья, Приазовья и Подонья, и датируются в рамках VIII – первой половины X в. (обзор литературы см.: Науменко 2009в: 58-60). Фляги изготавливались в керамических мастерских Таврики вместе с амфорами и другими видами гончарной продукции (см. напр.: Паршина *и др.* 2001). Детальная хронология и типология сосудов нуждаются в дальнейшей разработке.

Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками, они же «высокогорлые кувшины», «чёрно-смоляные кувшины», «тмутараканские кувшины», «амфоры-кувшины», тип XX по ХК-71 (Антонова *и др.* 1971: 91-92, рис. 20: 20-21), класс 41 по ХК-95 (Романчук *и др.* 1995: 63-60, таб. 30-32), тип 44 по А.В. Сазанову (Sazanov 1997: 97, fig. 4: 44) (обзор литературы см.: Науменко 2009б: 50-57; Чхаидзе 2008: 161). В керамической коллекции из раскопок храма присутствует только одно реконструированное днище²⁰ и обломок стенки нижней части корпуса такого кувшина (рис. 3.34, 3.37: 135). Черепок сосуда тёмно-коричневый, на внутренней поверхности частично чёрный, вероятно, вследствие неравномерного обжига. Остатки смолистого вещества внутри сосуда не прослеживаются. В тесте видны включения мелких кристаллов кварца, плотных минералов белого, чёрного (пироксен?) и тёмно-красного цветов. На днище заметны остатки налипшего песка от подсыпки, предотвращающей прилипание сырого изделия к рабочей поверхности. Днище найдено в апсиде южного компартамента, в слое разрушения третьего строительного периода (группа VII). Возможно, сосуд или его нижняя часть использовался

¹⁸ Совместное производство амфор с МЗР и с желобчатым туловом отмечено не менее чем в 5 гончарных центрах, однако детальная периодизация самих центров не ясна (Паршина *и др.* 2001: 77).

¹⁹ Для точного определения верхней границы типа, а также для выяснения хронологической и региональной специфики в ассортименте различных гончарных центров, данных пока недостаточно. Как показывает опыт исследований многослойных памятников, фрагменты амфор с МЗР еще довольно долго археологизировались на мусорных свалках и в различных «засыпях» (см. напр.: Седикова 1996; Сазанов 2001). Такая ситуация вполне естественна, поскольку прекращение выпуска каких бы то ни было изделий еще не свидетельствует о моментальном прекращении их бытования. Однако производство не могло продолжаться дольше, чем существовали сами центры.

²⁰ Днище собирается из трёх крупных и трёх мелких фрагментов.

каким-то образом в церковных обрядах, для чего он и был вмонтирован в алтаре²¹.

Высокогорлые кувшины различных типов хорошо известны благодаря раскопкам многих археологических объектов Крыма, Приазовья, Подонья, Нижнего Поднепровья и столицы Византийской империи – Константинополя, а также по результатам подводных исследований в акватории Чёрного моря. Им посвящено большое количество публикаций (географию находок и обзор литературы см.: Sazanov 1997: 97; Науменко 2009б: 50-57). На основании анализа археологических комплексов Херсонеса, включающих находки высокогорлых кувшинов и монет²², общая хронология этого вида среднегабаритной тары определяется в рамках 60-80-х гг. IX – конца XI в. Период наибольшего распространения приходится на X – середину XI в. (см. напр.: Могаричев и др. 2007: 107). Исследователи указывают на значительное разнообразие форм профильных частей и состава формовочной массы высокогорлых кувшинов (см. напр.: Сазанов 2001: 232-239; Науменко 2009б: 57), что свидетельствует об их происхождении из различных гончарных центров. Например, Дж. Хейс относит сосуды, найденные при раскопках в Стамбуле, к кухонной керамике местного производства, называя их «large one-handed jag» или «local tall one-handed jag» (Hayes 1992: 125, 223; fig. 21: 3; 71: 53). Местонахождение ни одной из этих мастерских к настоящему времени не выявлено.

Кухонно-столовая керамика представлена изделиями трёх хронологических групп: периода, предшествовавшего строительству храма, времени функционирования средневекового культового комплекса и периода возможного использования руин этого сооружения.

К наиболее раннему времени, вероятно, следует отнести два фрагмента стенок и один обломок днища лепного сосуда закрытой(?) формы (вес – 34 г), найденные в отложениях группы I в кв. 4В, в районе хозяйственной ямы эпохи поздней бронзы²³. Черепок сосуда довольно

плотный, обжиг неравномерный, в глиняном тесте видны включения песка, мелкой дресвы тёмно-коричневого цвета, частиц плотного прозрачного и чёрного блестящего минералов, золотистых блесток. Эти артефакты, вероятно, были переотложены в процессе подготовки площадки под строительство храма.

К наиболее поздним находкам относятся обломки трёх сосудов: днище коричневоглиняного неполивного кувшина или горшка (рис. 3.43: 13), фрагменты борта и корпуса с днищем двух красноглиняных поливных чаш с орнаментом в технике сграффито (рис. 3.42; 3.43: 17, 130). Изделия найдены в слоях групп VIII (слой № 9) и IX (слой № 2) в районе южного компартамента.

Неполивной сосуд относится к местной гончарной керамике, известной в литературе как группа «Юго-Западный Крым» (ЮЗК). Это тонкостенные изделия с коричнево-красным или тёмно-коричневым черепком, песчанистой формовочной массой, отличающиеся высокой технологией формовки на скоростном гончарном круге (РФК-7 по А.А. Бобринскому [1978: 60-64]). Они были широко распространены на территории Таврики и в ближайших регионах на побережье Азовского и Чёрного морей на протяжении XIV–XV вв. (см. напр.: Кравченко 1986: 49, рис. 18: 1; Волков 1992: 10-12, табл. 2.13-14; Дмитриенко, Масловский 2006: 235-236, 242, рис. 4: 8-16; Масловский 2006: 383-388, рис. 31; Айбабина 1991: 195-197, 203, рис. 8, 10; Баранов 1991: 108-109, рис. 4, 4; Когонашвили, Махнева 1974: 119-120, рис. 9; Мыц 1991: 100; Сазанов, Иващенко 1994: 181; 1995: 121-122).

Оба поливных сосуда также относятся к продукции местных мастерских – группе «Юго-Восточный Крым» (см. напр.: Волков 1992: 9-10; Масловский 2007; Тесленко 2010а). Это чаши с вертикальным бортом, украшенные орнаментом сграффито, подцвеченным минеральными красками под светло-жёлтой поливой. Черепок изделий достаточно плотный, жёлто-красный, более светлого оттенка у внешней поверхности. В тесте видны отдельные включения мелких частиц рыхлого минерала белого цвета. На одной из чаш орнамент нанесен тонким и широким резцами и тонирован тремя минеральными красками на основе окислов меди, железа и марганца (рис. 3.42: 17). На другой рисунок выполнен двузубым штампом и подцвечен зелёной и коричневой красками (рис. 3.42: 130). Использование окисла марганца в украшении керамики группы ЮВК получает широкое распространение со второй четверти XIV в. (Масловский 2007: 86). Находки реконструируемых форм известны в комплексах второй половины XIV и XIV–XV вв. (Тесленко 2012: 229). Керамика с использованием двузубого штампа и двухцветной росписи в декоре, появившись примерно в третьей четверти XIV в., доминирует к середине – третьей четверти XV в. (см. напр.: Айбабина, Бочаров 1997: 16-18; Герцен, Науменко 2005: 68-72; Кирилко 2005б; Масловский 2007: 87; Мыц 2002: 157, рис. 25-35; Тесленко 2010а: 227-228; Тесленко 2012). Таким образом, в целом наиболее позднюю керамику на памятнике можно датировать второй половиной XIV–XV вв.

²¹ Аналогичное использование донной части сосуда закрытой формы зафиксировано в средневековом храме Ай-Андрей, расположенном в 1,7 км к юго-западу от с. Генеральское (бывш. Улу-Узень), на юго-восточном склоне одного из восточных отрогов горы Демерджи, у истока одного из правых притоков реки Улу-Узень восточный или Мегалопотам, на высоте около 600 м н. у. м., примерно в 7 км от берега моря. Храм обследовался О.И. Домбровским в 1956 г. В отчёте о результатах работ отмечено, что на момент осмотра «удалось выявить и зафиксировать остатки стены, разделявшей нартекс и наос, трехчетвертные колонны в углах наоса и пилястры в нартексе, две ниши (параплекси) и алтарное возвышение с вмазанной в него нижней частью гончарного сосуда в апсиде...» (выделено И.Т.) (Домбровский 1956: л. 4-6). Церковь датирована автором исследований XI–XII вв. (Домбровский 1956: л. 4-6).

²² Наиболее ранние монеты относятся ко времени правления императора Василия I Македонянина (867-886), наиболее поздние принадлежат императору Роману IV Диогену (1067-1071) и Михаилу VII Дуке (1071-1078), а также представлены херсонсо-византийскими выпусками с ранними типами монограммы «ро» (Рыжов, Седикова 1999: 325; Алексеенко 2006: 86-87; Нессель 2006: 97, 107).

²³ Детальнее о комплексах, предшествующих храму, см. главу 2 «Стратиграфия и характеристика культурных отложений» и нашу работу (Лысенко, Тесленко 2012: 120-122, рис. 11, 12).

Какие-либо керамические находки, датирующиеся временем от середины X до середины XIV в., при раскопках храма не зафиксированы.

Фрагменты изделий, синхронных времени существования храма, составляют подавляющее большинство в массе кухонно-столовой посуды (1470 ед., 39,465 кг). По способу обработки внешней поверхности они подразделяются на поливные и неполивные. Последние

представлены обломками красноглиняных и коричневоглиняных сосудов, преимущественно закрытой формы (кувшины, горшки), отдельными фрагментами блюд и чашек, а также других сосудов открытой формы, назначение которых определить затруднительно (воронки?). Все изделия в значительной степени фрагментированы.

В культурных слоях находки распределяются следующим образом:

Строит. периоды	Группы слоев	Кухонно-столовая посуда											
		красноглиняная закрытой формы			коричневоглиняная закрытой формы			красноглиняная открытой формы			«воронки»		
		кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%	кол-во	вес	%
I-II	I	30	246	88,2%	4	25	1,8%	–	–	–	–	–	–
	II	381	11088	73,8%	11	125	2,1%	–	–	–	10	932	1,9%
	III	110	4923	99,0%	1	10	1,0%	–	–	–	–	–	–
	IV	227	9655	91,5%	21	855	8,5%	–	–	–	–	–	–
Итого:		748	25912	94,0%	37	1015	4,7%	–	–	–	10	932	1,3%
III	V	63	1928	95,5%	1	9	1,5%	2	5	3,0%	–	–	–
	VI	119	958	93,7%	8	32	6,3%	–	–	–	–	–	–
	VII	154	2310	62,9%	83	1408	33,9%	1	1	0,4%	7	621	2,8%
Итого:		336	5196	76,7%	92	1449	21,0%	3	6	0,7%	7	621	1,6%
IV	VIII	38	688	82,6%	4	21	8,7%	–	–	–	4	388	8,7%
	IX	91	914	77,8%	25	281	21,4%	–	–	–	1	20	0,8%
Итого:		129	1602	79,1%	29	302	17,8%	–	–	–	5	408	3,1%
	клад-ки	29	950	96,7%	1	301	3,3%	–	–	–	–	–	–
	п/м	40	724	93%	3	47	7%	–	–	–	–	–	–
Всего:		1282	34384	87,3%	162	3114	11,0%	3	6	0,2%	22	1961	1,5%

Красноглиняная посуда закрытой формы составляет 87,3% кухонно-столовой керамики (1282 фрагмента весом 34,384 кг), найденной при раскопках. Наибольшее число находок происходит из II, IV и VII групп слоев. Профильные части немногочисленны. Это обломки венчиков семи сосудов закрытой формы (небольших горшков или кувшинов) (диаметр венчиков – 6,3-8 см) (слои №№ 4, 5, 6, 11, 12, 13, 14б), два из которых со сливом в виде пальцевой деформации венчика (ойнохой), 11 днищ (слои №№ 1, 2, 9, 13, 18 [заполнение могилы № 1]), две ручки (слои №№ 6 и 13), а также верхняя часть корпуса небольшого кувшина с росписью тремя горизонтальными полосами красного ангоба (слой № 11) (рис. 3.41; 3.42)²⁴.

Все изделия сильно фрагментированы, что не позволяет составить целостное представление о формах сосудов. Практически все они изготовлены на скоростном

гончарном круге, о чем свидетельствуют следы ротации на внутренней поверхности, особенно заметные ближе к днищу, а также характерные следы на плоскости дна от срезания изделия с круга при помощи нити. Черепок этих сосудов желто-красного цвета различных оттенков, в составе их глиняного теста видны включения мелкого шамота и дресвы, плотного минерала темно-коричневого или красно-коричневого цвета, а также рыхлого белого минерала (известь?). В целом формовочная масса подавляющего большинства сосудов подобна амфорам «причерноморского» типа. Лишь у изделий небольших размеров она отличается более мелкой фракцией примесей. К настоящему времени морфологическая типология и детальная хронология кухонно-столовой посуды исследуемого периода остается не разработанной, поэтому трудно соотнести фрагменты профильных частей найденных сосудов с какими-то известными типами. Выделяются некоторые морфологические особенности сосудов, среди которых наиболее выразительны следующие: пальцевое вдавление в месте верхнего прилепа ручки (рис. 3.41; 3.42: 142), круглое сквозное отверстие у нижнего прилепа ручки (рис. 3.41; 3.42: 94), специфический профиль венчика кувшинов, усложненный неболь-

²⁴ Значительный дисбаланс между профильными частями и стенками объясняется тем, что при камеральной обработке ко второй категории, вероятно, была отнесена значительная часть амфорного материала. Это связано с трудностью определения принадлежности сосудов к кувшинам или амфорам по мелким фрагментам стенок, поскольку по визуальным признакам их черепок и состав теста практически неотличимы.

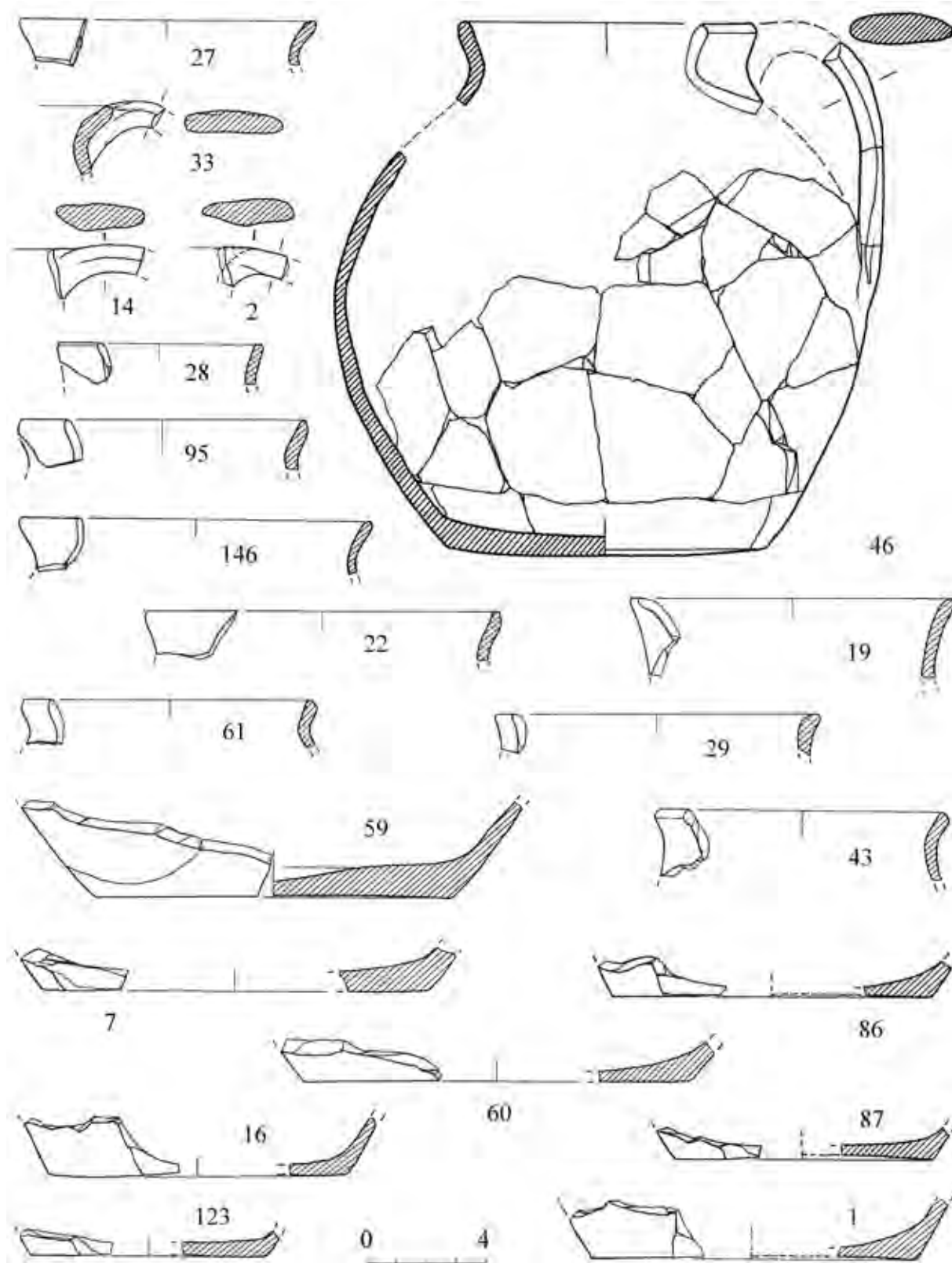

Рис. 3.38. Храм на холме Тузлук. Фрагменты коричневоглиняных сосудов.

1, 2 – слой № 1; 7, 14, 16, 19, 22, 27, 28, 29 – слой № 2; 33 – слой № 26; 43, 46, 59, 60, 61 – слой № 4; 86, 87 – слой № 76; 95 – слой № 6; 123 – слой № 7; 146 – слой № 146.

Fig. 3.38. Church on the Tuzluk hill. Fragments of brown wares.

1, 2 – layer no 1; 7, 14, 16, 19, 22, 27, 28, 29 – layer no 2; 33 – layer no 26; 43, 46, 59, 60, 61 – layer no 4; 86, 87 – layer no 76; 95 – layer no 6; 123 – layer no 7; 146 – layer no 146.

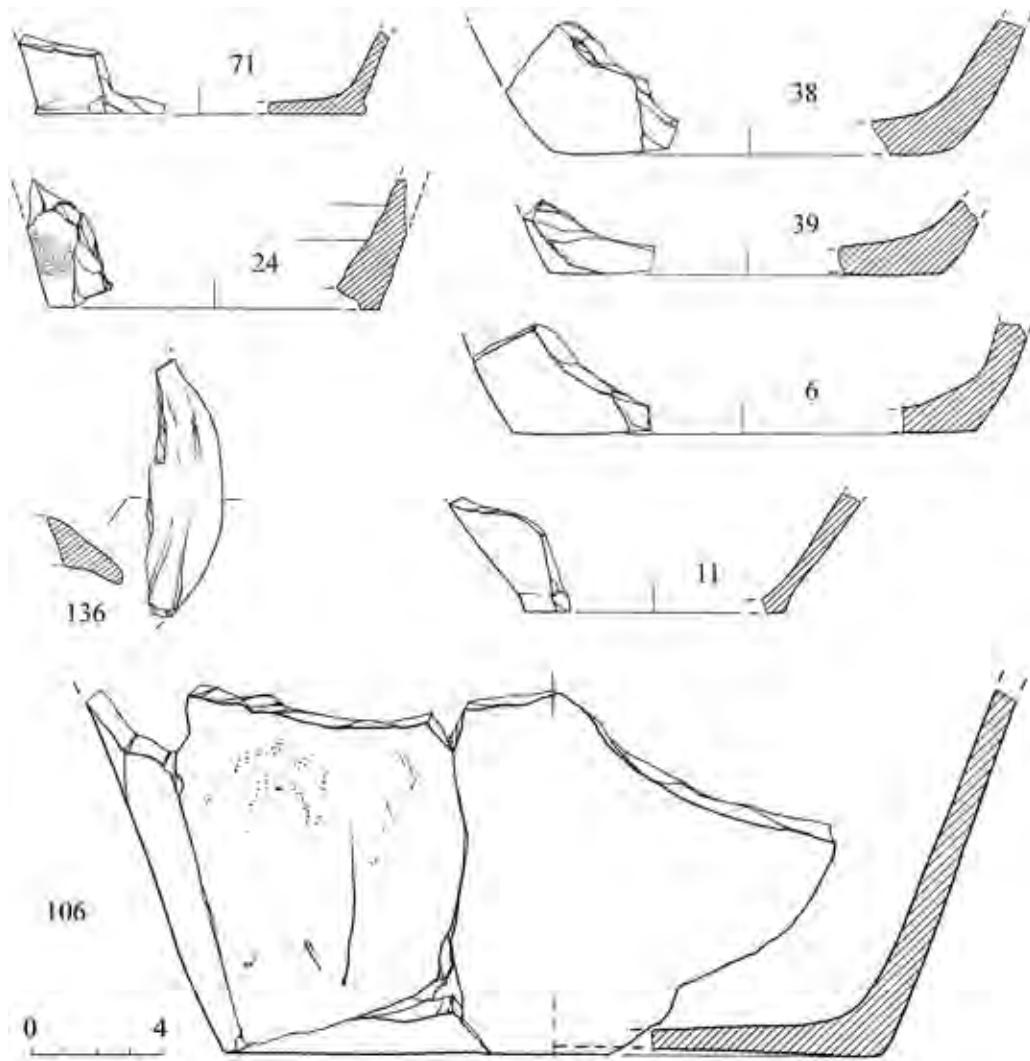

Рис. 3.39. Храм на холме Тузлук. Фрагменты днищ коричневоглиняных сосудов (11, 6, 38, 39, 71, 106), белоглиняного поливного кувшина (24) и обломок красноглиняного лепного изделия (136).

6, 11, 24 – слой № 2; 38, 39, 71 – слой № 4; 106 – слой № 6-2; 136 – слой № 12a.

Fig. 3.39. Church on the Tuzluk hill. Fragments of bottoms of brown wares (11, 6, 38, 39, 71, 106), glazed white ware (24) and red ware (136).

6, 11, 24 – layer no 2; 38, 39, 71 – layer no 4; 106 – layer no 6-2; 136 – layer no 12a.

шим реберчатым выступом с внутренней стороны (рис. 3.41; 3.42: 157, 132), характерным для сосудов «скалистинского» типа, роспись красным ангобом (рис. 3.41; 3.42: 133). «Скалистинскому» типу кувшинов уделено, пожалуй, больше всего внимания в научной литературе (обзор см.: Науменко 2009г: 60-63). Однако вопросы его детальной хронологии, определяемой в целом довольно широкими рамками (конец VI–XI вв.) требуют дальнейшего изучения. Кувшины и небольшие горшки, ручки которых у верхнего прилепа профилированы пальцевыми вдавлениями, по мнению некоторых исследователей, стали массово производиться в Крыму начиная с IX в. и во множестве встречаются в комплексах середины – конца X в. (лит. см.: Рыжов, Седикова 1999: 322; Герцен *и др.* 2006: 396-401; Пономарев 2004: 453), хотя появление их может быть датировано и более ранним временем – второй половиной VIII в. (см. напр.

Науменко 2009г: 64). Изделия с росписью красным ангобом известны среди продукции гончарных мастерских Южной (Сотера близ Алушты) и Юго-Восточной (Чобан-Куле, мыс Агира у с. Приветное близ Судака) Таврики, поэтому их местное производство не вызывает сомнения, а хронологические рамки определяются временем деятельности этих мастерских (см. напр.: Паршина *и др.* 2001: 59, рис. 14; Паршина 2002б: 124, рис. 5).

В целом, все перечисленные признаки довольно типичны для местной бытовой посуды так называемого провинциально-византийского круга и находят немало аналогий среди керамики из раскопок синхронных памятников Юго-Западного, Южного, Юго-Восточного и Восточного Крыма²⁵ в комплексах, функционировав-

²⁵ В Восточном Крыму такая керамика встречается гораздо реже.

Рис. 3.40. Храм на холме Тузлук. Фрагменты коричневоглиняных сосудов. 46, 59 – слой № 4; 106 – слой № 6-2.
Fig. 3.40. Church on the Tuzluk hill. Fragments of brown wares. 46, 59 – layer no 4; 106 – layer no 6-2.

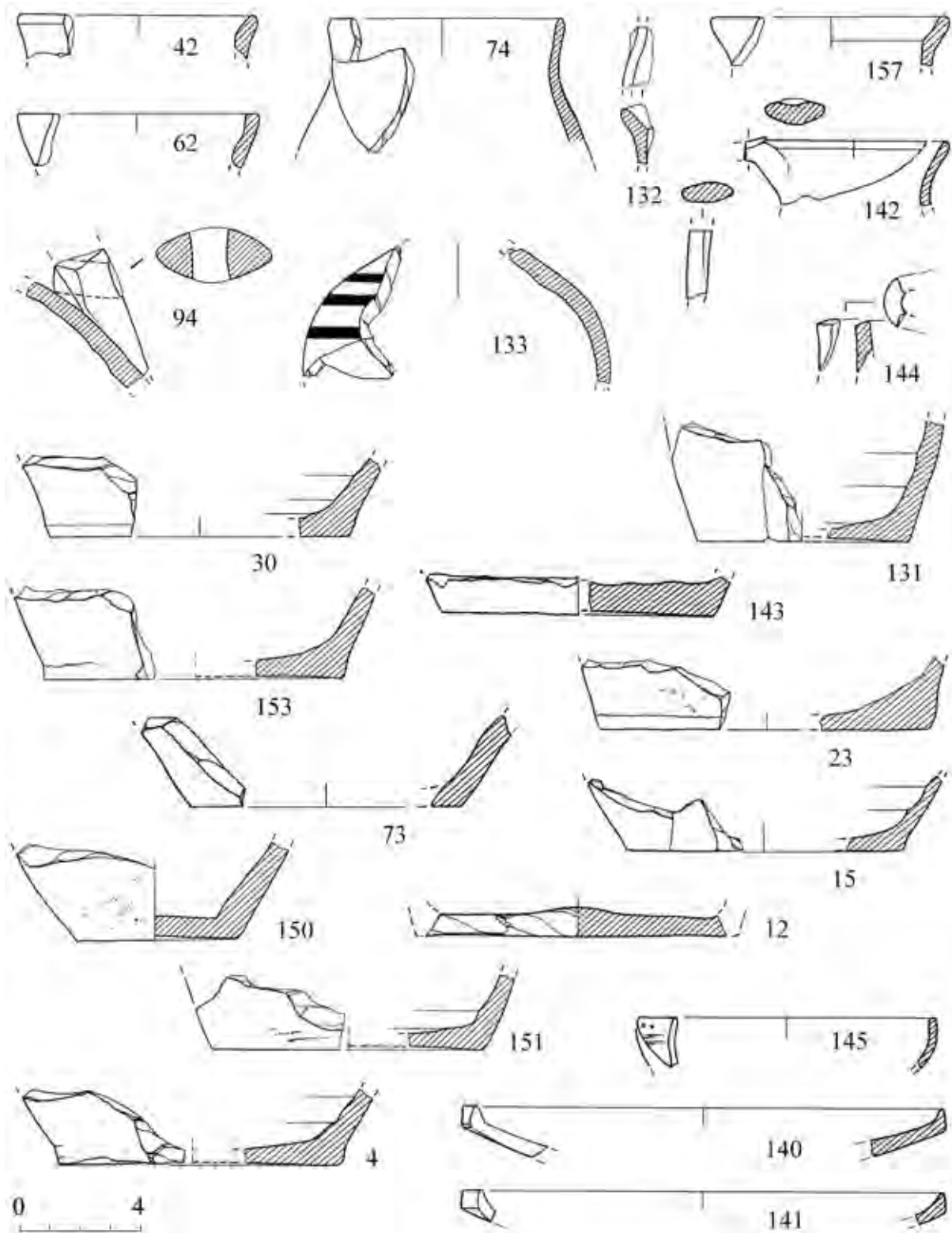

Рис. 3.41. Храм на холме Тузлук. Фрагменты красноглиняных сосудов.

4 – слой № 1; 12, 15, 23, 30 – слой № 2; 42, 62 – слой № 4; 73 – слой № 5; 74 – слои №№ 5 и 6; 94 – слой № 6; 131 – слой № 9; 132, 133 – слой № 11; 140, 141 – слой № 12а; 142, 143 – слой № 13; 144, 145 – слой № 14б; 151 – слой № 18 (могила № 1); 153 – подъемный материал; 157 – слой № 12.

Fig. 3.41. Church on the Tuzluk hill. Fragments of red wares.

4 – layer no 1; 12, 15, 23, 30 – layer no 2; 42, 62 – layer no 4; 73 – layer no 5; 74 – layers nos 5, 6; 94 – layer no 6; 131 – layer no 9; 132, 133 – layer no 11; 140, 141 – layer no 12a; 142, 143 – layer no 13; 144, 145 – layer no 14б; 151 – layer no 18 (Grave no 1); 153 – stray find; 157 – layer no 12.

Рис. 3.42. Храм на холме Тузлук. I – фрагменты красноглиняных неполивных сосудов; II – обломок белоглиняного поливного кувшина; III – фрагментированные красноглиняные поливные чаши с орнаментом сграффито.

17, 24 – слой № 2; 94 – слой № 6; 130, 131 – слой № 9; 132, 133 – слой № 11; 136, 141 – слой № 12а;
142, 143 – слой № 13; 145 – слой № 146.

Fig. 3.42. Church on the Tuzluk hill. I – fragments of red wares; II – fragments of the glazed white ware;
III – fragments of glazed sgraffito wares.

17, 24 – layer no 2; 94 – layer no 6; 130, 131 – layer no 9; 132, 133 – layer no 11; 136, 141 – layer no 12a;
142, 143 – layer no 13; 145 – layer no 146.

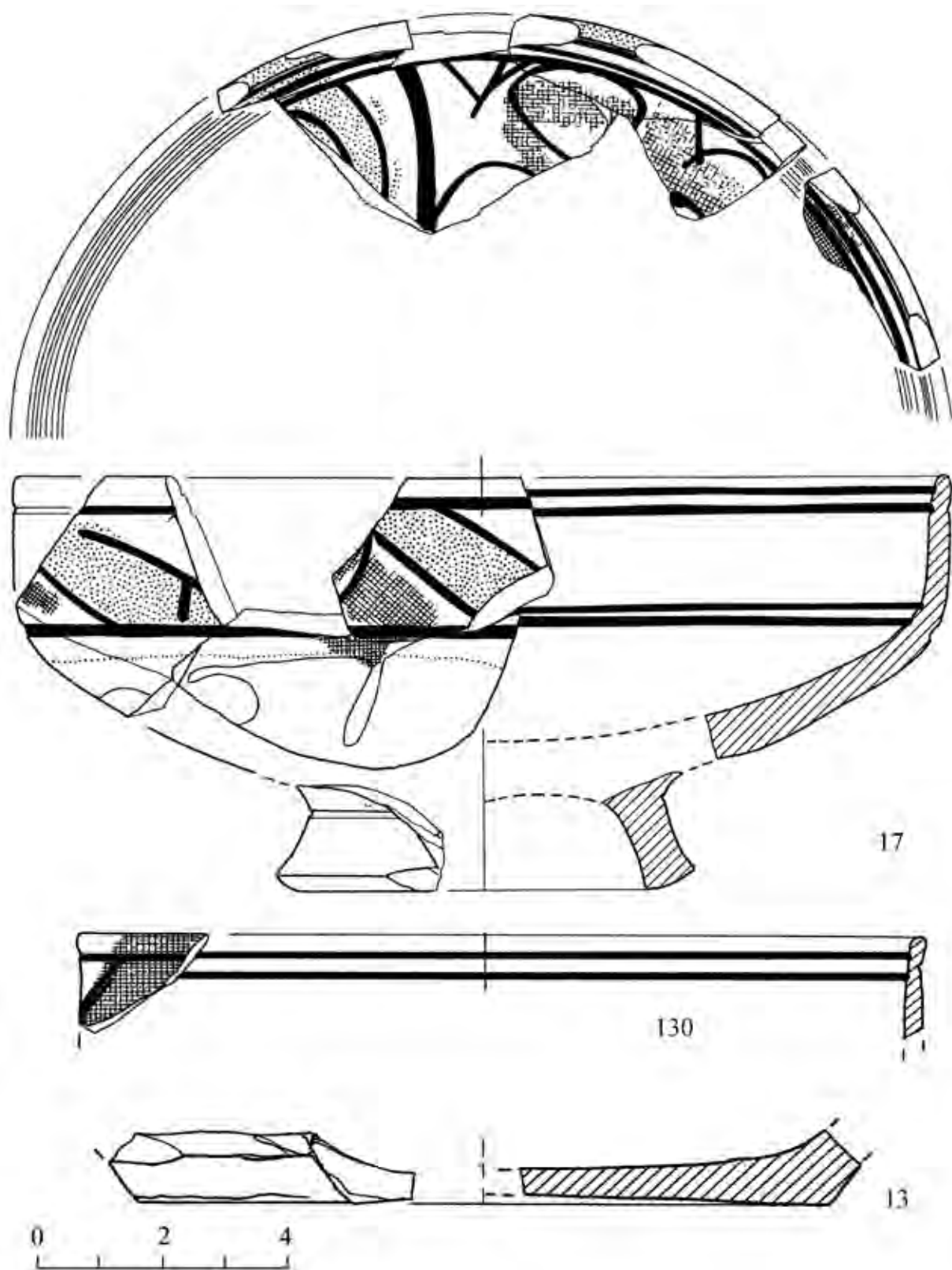

Рис. 3.43. Храм на холме Тузлук. Фрагментированные красноглиняные поливные чаши с орнаментом сграффито (17, 130) и обломок днища коричневоглиняного сосуда XIV–XV вв. (13).

13, 17 – слой № 2; 130 – слой № 9.

Fig. 3.43. Church on the Tuzluk hill. Fragmented glazed sgraffito bowls (17, 130) and the bottom of brown ware of the 14th-15th centuries (13).

13, 17 – layer no 2; 130 – layer no 9.

ших в IX – начале X в. (см. напр.: Веймарн, Айбабин 1993: 190-193; Романчук, Омелькова 1979: 100; Седикова 1993: 134-135, рис. 1; 1995: 172-173, рис. 7, 9; 1996: 123; Зинько, Пономарев 1999: 200-201; 2005: 239; Майко 2004: 187-193; Науменко 1997: 336-338; 2009: 60-64; Герцен *и др.* 2006: 406-407; Герцен *и др.* 2010: 257-258, 263, 267).

Таким образом, очевидно, что современные представления о детальной хронологии рассмотренной красноглиняной посуды довольно расплывчаты. Эти сосуды не могут быть использованы для уточнения датировки семидворской церкви. Однако общее время их бытования не противоречит дате, предложенной на основе хронологии амфор.

Красноглиняная посуда открытой формы составляет всего 0,2% кухонно-столовой керамики, найденной при раскопках. Это 3 мелких фрагмента венчиков от одной чашки и двух мисок общим весом 6 г (рис. 3.41, 3.42: 140, 141, 145). Все они обнаружены в заполнении южного компартимента в отложениях групп III и V (слои №№ 12а и 14б). Черепок изделий довольно плотный, оранжевый, тесто с мелкими включениями шамота и частиц рыхлого минерала белого цвета. Профиль чашки в сечении плуэллипсоидальный, с вертикальным бортом и скруглённым краем (рис. 3.41; 3.42: 145). Диаметр венчика – 10 см. Тарелки выполнены в форме перевернутого расширенного конуса, с прямыми стенками и приподнятым кверху заострённым краем (диаметр – 16 см) (рис. 3.41; 3.42: 140, 141). Конфигурация их днища не ясна. Такая посуда встречается довольно редко среди синхронных древностей региона. Примерные аналогии форме удалось найти только в керамическом комплексе первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе (Седикова 1993: 135, рис. 2; 1995, 173-176, рис. 8; 9).

Интересно отметить, что примерно треть профильных частей сосудов закрытой формы и все обломки сосудов открытой формы обнаружены в слоях, связанных с первым и вторым этапами функционирования южного компартимента, в то время как в северном компартименте находки подобных изделий не зафиксированы. Учитывая небольшие объёмы самих сосудов, возможно предположить, что они были связаны с какими-то индивидуальными приношениями, местом совершения которых был именно южный компартимент.

Коричневоглиняные сосуды закрытой формы составляют 11,0% кухонно-столовой керамики (162 фрагмента весом 3,114 кг) из раскопок храма. Изделия в значительной степени фрагментированы. Профильные части представлены одиннадцатью фрагментами венчиков горшков (три из которых с верхними прилепами ручек, диаметр – 7,0-12,0 см) и, вероятно, одного кувшина (диаметр – 11,0 см) (№ 19), а также пятнадцатью днищами (диаметр – 8,0-14,0 см) (рис. 3.38; 3.39: 6, 11, 38, 39, 71, 106; 3.40). Венчики плавно отогнуты наружу, со скруглённым или слегка зауженным краем, днища плоские. Одна из ручек профилирована парой

пальцевых вдавлений у верхнего прилепа (рис. 3.38: 33). Форму одного горшка из 37 обломков удалось полностью реконструировать (рис. 3.38, 3.40: 46). Горшок одноручный, со сферическим туловом, коротким, расширяющимся горлом и скруглённым венчиком без специальной профилировки. Ручка плоская, крепится к краю венчика и середине тулова. Высота сосуда – 18,2 см, диаметр венчика – 10,0 см, тулова – 18,1 см, дна – 11,0 см.

Черепок всех коричневоглиняных изделий довольно плотный, но достаточно легко разрушается вдоль сколов, неоднородной окраски (от красно-коричневого до тёмно-серого цветов), внешняя поверхность – темнее. Эти признаки свидетельствуют о неравномерном и, очевидно, непродолжительном обжиге, а также о вторичном пребывании в огне в процессе эксплуатации. Формовочная масса со значительным количеством отощителя (песок, мелкодроблённый шамот и дресва, частицы рыхлого минерала белого цвета, золотистые блёстки). Сосуды сформованы навыками скульптурной лепки с использованием вращения круга для заглаживания поверхности и, возможно, частичного моделирования профильных частей (РФК-4-5 по А.А. Бобринскому [1978: 27]). На днищах некоторых из них заметны следы от крупного песка или мелкой дресвы, подсыпавшихся на рабочую поверхность перед началом формовки изделия. На отдельных экземплярах встречаются также отпечатки нити, которой подрезалось дно сосуда при отделении его от плоскости круга (рис. 3.40).

Наибольшая концентрация фрагментов коричневоглиняных сосудов отмечена в IV, VII и IX группах слоев, то есть в отложениях, связанных с первым и вторым разрушениями церкви и её руинами. Развал горшка (№ 46) обнаружен в слое № 4, связанном со вторым разрушением храма, к востоку от апсиды южного компартимента (кв. 3В). Донная часть сосуда (№ 106), реконструированная из 9 обломков, найдена в апсиде северного компартимента в слое № 6-2, связанном с первым разрушением храма. Вероятно, сосуд или его днище использовались в каких-то церковных обрядах, совершавшихся в северном компартименте.

Нами неоднократно отмечалась, что типология кухонной керамики Таврики этого времени не разработана, что затрудняет поиск точных аналогий. Близкие по форме и технологическим характеристикам сосуды происходят из раскопок таких археологических объектов в Юго-Западном и Южном Крыму как Мангуп (Герцен, Науменко 2001: 140-141, рис. 4: 10-13; Герцен *и др.* 2006: 402, рис. 24: 9, 27: 11, 31: 4; Герцен *и др.* 2010: 256-257, рис. 17: 27-28, 30-31) и поселения в его окрестностях (Науменко 1997: 336, рис. 4: 2, 6), Кыз-Кермен (Белый 2001: 200, 214-215, рис. 10: 1, 21; 1993, 55, 10: 1-5), поселение на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 100-101, рис. 4: 5, 5: 4-6), поселение в урочище Сотера (Паршина 2002б: 122, рис. 5; Теліженко *и др.* 2010: 423, рис. 2: 1). Все они зафиксированы в комплек-

сах не ранее IX в. и не позднее первой половины X в.²⁶. На двух последних памятниках большинство подобных горшков украшено прочерченным по сырой глине орнаментом в виде волнистых линий. Среди семидворских материалов такой декор отсутствует.

Еще один вид кухонно-столовой керамики из раскопок храма, условно названный «воронками», включает в себя два фрагментированных красноглиняных изделия со сферическим корпусом, широким устьем и скошенным внутрь краем. Диаметр венчиков – около 20,0 и 24,0 см (рис. 3.31: 79; 3.36: 77, 79). Кроме того, найден обломок трубчатого изделия, которое может быть интерпретировано как возможный слив воронки²⁷ (рис. 3.36: 119). Всего обнаружено 3 фрагмента от одного сосуда и 16 – от другого (общий вес – 1,961 кг) в четырех группах слоев памятника (II, VII, VIII, IX). Наибольшая концентрация фрагментов (45% всех находок) зафиксирована в слое № 7б (группа II), связанном с освящением храма и совершением обрядов на протяжении первого этапа его существования. Именно в этот период изделия были археологизированы, а затем их фрагменты перемещались в культурном слое под влиянием различных, преимущественно антропогенных, факторов.

Оба предмета обладают достаточно плотным желто-красным черепком с розоватым оттенком различной интенсивности. Состав теста аналогичен красноглиняным пифосам и амфорам «причерноморского» типа, найденным на памятнике, то есть это изделия местного производства. Их функциональное назначение по имеющимся фрагментам точно определить сложно. Близкие аналогии этой форме известны из материалов раскопок поселения на левом берегу р. Бельбек (Романчук, Омелькова 1979: 98-99, рис. 3: 2) и в материалах с места кораблекрушения близ Учкучевки (Гинькут 2002: 26, рис. II: 6). Здесь эта форма представлена ёмкостями с вертикальными ручками, интерпретированными авторами публикаций как большие тарные сосуды. Однако нижние части у обоих опубликованных изделий утрачены, что не позволяет составить полное впечатление об их форме.

Кроме неполивной керамики из заполнения южного компартамента (слой № 12а) происходит обломок плоского красноглиняного лепного изделия сегментовидной формы (размер – 2,8×7,9 см, толщина – 2,6-3,7 см, вес 0,017 кг) (рис. 3.39; 3.42: 136). Полная конфигурация предмета и его функциональное назначение остались неясными.

Поливная керамика представлена единственным обломком нижней придонной части стенки плоскодонного белоглиняного сосуда закрытой формы. Он был найден на границе слоев №№ 2 и 4 к югу от южного компартамента (кв. 4Е) (рис. 3.39; 3.42: 24). Черепок этого сосуда белый,

без посторонних оттенков, в тесте отчетливо видна примесь песка. Полива зеленовато-жёлтая, неравномерно окрашенная, нанесена только с внешней стороны сосуда непосредственно на черепок. Форму изделия по одному фрагменту реконструировать сложно. Цвет формовочной массы, манера нанесения поливы и её цвет, а также отсутствие ангобного покрытия под глазурью позволяют достаточно уверенно отнести этот сосуд к группе Glazed White Ware II по Дж. Хейсу (Hayes 1992: 18-19). Это одна из разновидностей светлоглиняной керамики константинопольского производства, получившая широкое распространение примерно с начала X в. в Средиземноморье, Причерноморье и даже в Древней Руси (см. напр.: Hayes 1992: 12-15, 18-19; Vroom 2005: 75; см. также: Макарова 1967: 9-10; Залеская 1984; Коваль 2010: 111-112, 113). На территории Таврики находки константинопольской белоглиняной поливной посуды преимущественно открытых форм этой группы известны довольно широко, как в крупных административных центрах, так и в небольших населённых пунктах горного и прибрежного Крыма (см. напр.: Паршина 1974: 66-67; Талис 1976: 64-73; Якобсон 1979: 83-93; Рыжов, Седикова 1999: 325; Майко 2004: 206-208; Герцен и др. 2006: 404-406).

В завершение характеристики керамики, синхронной времени существования храма, особо следует отметить, что в коллекции находок полностью отсутствует глиняная посуда, характерная для салтово-маяцких памятников Северного Причерноморья (характеристику см. напр.: Баранов 1990: 92-101; Пономарев 2003б: 217-224; Майко 2004: 196-205; Зинько, Пономарев 2009: 64-72).

Все керамические находки, связанные с существованием храмового комплекса, объединяются как минимум в 4 группы на основе их происхождения из гипотетических гончарных мастерских, следующих определённым технологическим традициям. Сосуды двух групп изготавливались непосредственно на территории Таврики. Единичные изделия других двух групп представляют собой импорт: это обломок нижней части корпуса высокогорлого кувшина, происхождение которого осталось неясным, и фрагмент стенки белоглиняного поливного сосуда константинопольского производства.

Продукция местных мастерских демонстрирует две различные гончарные традиции. Одна из них более консервативна. Её носители специализировались на изготовлении кухонных сосудов с использованием техники скульптурной лепки в сочетании с медленным, вероятно, ручным гончарным кругом. Неравномерный обжиг свидетельствует о несовершенстве обжигательных сооружений. Ассортимент готовых изделий также не отличался разнообразием и включал преимущественно кухонные сосуды (горшки и кувшины), рассчитанные на местного потребителя. Используемые технологии в сочетании с морфологическими особенностями самих сосудов позволяют предварительно определить ареал распространения этой традиции в границах Юго-Западной и Южной Таврики.

²⁶ Более широко (до середины XI в.) датируется только слой № 3 на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун на Мангупе, но он не может рассматриваться как хронологически гомогенный.

²⁷ Воронки – это бытовые изделия специального назначения, употреблявшиеся для оптимизации процесса переливания жидкости из любой ёмкости в сосуд с узким горлом.

Вторая ремесленная традиция демонстрирует хорошо организованное, высокотехнологичное, товарное гончарное производство, широкий ассортимент продукции которого был рассчитан не только на удовлетворение местных нужд в разнообразных гончарных изделиях, но и на внешний рынок (Паршина *и др.* 2001). К началу XXI в. в Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном Крыму было известно три с половиной десятка керамических центров, следующих этой традиции (Паршина *и др.* 2001). К настоящему времени, благодаря разведкам на территории Алуштинского²⁸ и Ялтинского²⁹ регионов и в районе плато Мангупа (Науменко *и др.* 2012: 52-54), таких центров выявлено уже более сорока. Две гончарные мастерские открыты на левом борту балки Еди-Евлер в 0,07 и 0,8 км от берега моря (Лысенко, Тесленко 2012: 111-112, рис. 1). В числе выпускаемой продукции лидирующие позиции принадлежали среднегабаритной таре – амфорам. Изготавливались также фляги, пифосы, кухонно-столовая посуда и строительные материалы (черепица, плинфа, плитки для пола пр.) (см. напр.: Паршина *и др.* 2001)³⁰.

Все керамические центры, в том числе и обнаруженные в Семидворье, связаны с сельскохозяйственными поселениями, и их деятельность была направлена на обслуживание хозяйственных и производственных нужд поселян, одним из основных занятий которых, судя по количеству и ареалу распространения выпускаемых амфор, было товарное виноделие. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день эти столь информативные археологические объекты изучены крайне слабо. Фрагментарным раскопкам подверглось всего одиннадцать памятников (Паршина *и др.* 2001). В результате достаточно трудно судить о детальной специализации, внутренней топографии, инфраструктуре и особенностях организации гончарства в этих ремес-

ленных центрах. Несмотря на это, очевидным остается тот факт, что такое масштабное высокотехнологичное производство развилось на территории, где ранее ничего подобного не фиксировалось. Довольно сложная конструкция обжигательных сооружений, использование скоростного гончарного круга, морфология и ассортимент сосудов, а также керамических строительных материалов указывают на то, что это комплексная, многогранная и устоявшаяся гончарная традиция могла появиться в Таврике только вместе с её носителями, которые прибыли сюда с территорий, где непрерывно развивалось прогрессивное гончарство, сформировавшееся на основе развития античных ремесленных навыков. Наиболее вероятным источником миграции мастеров, на наш взгляд, могли быть малоазийские территории Византийской империи.

Появившиеся вместе с этим населением новые для Крыма виды гончарных изделий – «причерноморские» амфоры вместе с сопутствующим ассортиментом продукции местных гончарных центров, становятся яркой чертой материальной культуры эпохи небывалого экономического роста в истории Таврики. Его начало отмечено возникновением многочисленных сельских поселений, как самостоятельных, так и примыкающих к городским центрам, в Юго-Восточном, Южном и Юго-Западном Крыму, одной из экономических основ которых было товарное виноделие и хорошо организованное высокотехнологичное гончарство, направленное, в основном, на производство винодельческой и транспортировочной тары, а также керамики для строительных и бытовых нужд. Именно в это время исследуемые регионы Таврики превращаются в одну из интенсивно развивающихся окраин Византийской империи, чей экономический рост был основан, в том числе, и на прогрессивных технологиях гончарного производства, привнесённых извне.

²⁸ Работами Алуштинского отряда Горно-Крымской экспедиции под руководством автора и А.В. Лысенко открыты ранее неизвестные остатки керамических мастерских в долинах р. Ускут (с. Приветное), р. Кучук-Узень (с. Малореченское), р. Улу-Узень (с. Солнечногорское), балки Еди-Евлер (с. Семидворье).

²⁹ Благодарю Н.П. Турову за сообщение о находке трёх объектов со следами керамического производства VIII–X вв. в районе пгт. Никита, на высоте 240 и 468 м над уровнем моря., и в с. Васильевке (Ай-Василь) на высоте 350 м над уровнем моря.

³⁰ На основании имеющихся данных довольно сложно определить, какой процент керамических изделий второй группы, найденных при раскопках храма, изготовлен в мастерских балки Еди-Евлер. Вполне вероятно, что часть изделий могла быть привезена из соседних селений, в частности, отдельные партии черепицы для кровли храма.